

ОКСЮМОРОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Викторов

18+

Олег Викторов

Оксюморон

«Автор»

2024

Викторов О.

Оксюморон / О. Викторов — «Автор», 2024

Немолодой, талантливый, но неуспешный писатель однажды оказывается на коленях с пистолетом у виска. Прожитая жизнь проносится перед мысленным взором. Только теперь воспоминания предстают эпизодами, беспорядочно и без хронологии: прошедшая неделя, детство, служба в армии, школьные годы, учёба в Литинституте, снова настоящее время. Как жил, чего достиг? Бывало трусил, подличал, терял друзей и близких, мучился от вероломства первой любви... Издавался, познал краткий успех и почти полное забвение. Начал спуск в алкогольную бездну. Теперь одинок и телефон редко звонит. Но ему уютно в одиночестве. И вдруг – звонок от бывшего друга, давно считающегося врагом. Потом – встреча с первой любовью, от которой, как оказалось у него дочь-подросток. Если он не пожертвует собой, дочери грозит смертельная опасность. Привычный мирок взрывается. Что предпримет человек, привыкший жить в спокойствии и только для себя? И прав ли был он, обвинив когда-то друга в предательстве, а любимую девушку в измене?..

© Викторов О., 2024

© Автор, 2024

Олег Викторов Оксюморон

Не пью воды, чтоб стыли зубы, питьевой.
И не событий, ни людей не тороплю.
Мой лук лежит со сгнившей тетивой,
Все стрелы сломаны, я ими печь топлю.
Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так.
Не вдохновляет даже самый факт атак...
В. Высоцкий «Песня конченного человека»
Мне в одиночестве лучше,
Легче и проще мечтать.
Ю. Лоза «Я умею мечтать»

Пистолетный затвор клацнул, и пульсирующая жилка на виске почувствовала могильный холод воронёной стали. Спусковой крючок медленно пополз выпускать смерть на свободу. Одно мгновение, другое... Сколько их всего будет перед тем как курок исправно ударит по капсулю гильзы и отправит пулю в мгновенный полет, отделяющий бытие от чего-то иного, неизвестного?.. А может уже и мгновения закончились и остались лишь их ничтожные доли?

Крепко зажмурился. Сейчас документальная короткометражка под названием «Моя жизнь» должна пронестись перед глазами. И снял ее, безусловно, не оскароносный режиссер, а обыкновенный кустарь, чья низкая квалификация не соответствует сложности поставленной задачи. А может и сам подобный просмотр только иллюзия, выдумка творческих людей с необузданной фантазией? Хотя сам использовал подобный прием, и не раз.

...Собственная библиография к концу четвертого десятка вполне могла уместиться на одной домашней книжной полке советских времен. Не обманывая себе, можно смело сказать: неприлично мало для человека, трудящегося на паханном-перепаханном литературном поле, где целина достается лишь избранным, и далеко не все избранные с ней справляются. Конечно, можно тешить душу, что у Артура Хейли, к примеру, всего-то десяток романов. Но там миллионные тиражи и мировая известность, а тут...

Начиналось все неплохо и вполне многообещающе. Издательство «За порогом», рожденное на стыке восьмидесятых и девяностых, вполне охотно выпускало сборники рассказов молодого писателя. За объемные произведения он браться не любил, но кое-что все-таки наваял по настоянию издателя и приобрел некоторую популярность, хотя и скоротечную. В девяностые читатели жадно глотали чернуху, забубенную фантастику, эротику, граничащую с откровенным порно, немудреные детективы. Последние он никогда не писал, а вот фантастом себя считал прирожденным, и дал полную волю воображению, рождавшему порой сюжеты зигзагообразные, как молния, и такие же яркие, но лишённые и намека на моральную или познавательную составляющую. «Читателю должно быть интересно!» – девиз, взятый им на вооружение. Пусть прочитанное забудется через неделю, это не имеет никакого значения. Гонорар получен, договор на новое издание следующего произведения подписан, а звание классика его никогда и не прельщало – жить нужно здесь и сейчас. Советская цензура скончалась быстро и без мучений, новая не спешила прорасти, и редакторы настоятельно просили вплетать в сюжеты сексуальную составляющую. Любой каприз за ваши деньги! Получалось с трудом, не гениально, но и не плохо, на троечку, без скатывания в пошлость и акцентирования внимания на адюльтер. Всего лишь несколько мазков, добавляющих пикантности повествованию и жизненности персонажам. Нередко увлекался, забывал о незыблемых литературных законах и не выписы-

вал характеры героев, отчего их поступки казались немотивированными и необъяснимыми. До поры до времени сходило с рук.

Однако у дешевого читыва век недолог. Книгочеи накушались клубнички, малины и прочего ширпотреба, тиражи пришлось сокращать, что постепенно привело к оскудению гонораров. «Автор должен уметь переодеваться» – говаривал персонаж из фильма «Покровские ворота». Нужно было перестроиться, начать серьезную работу над текстами, сюжетными линиями и персонажами, искать новые интересные темы, а он с упорством дурной мухи ломился в закрывшееся окно, не замечая распахнутую настежь форточку. Замри на мгновение, внимательно осмотришься – и вперед, авось получится. Нет! Разгон, очередной блямс и на новый круг.

В один солнечный весенний денек его свежую рукопись сухая дама-редактор с двадцатилетним стажем буквоедческой работы отодвинула в сторону, не читая, а лишь бегло пробежав синопсис, сняла с крючковатого носа очки без оправы с круглыми линзами, положила их перед собой на стол, провела, почти не касаясь, рукой по ненатурально черным волосам, стянутым в заурядный конский хвост, и процедила сквозь тонкие и ярко-красные, как у киношного вампира, губы:

– Не пойдет. Вы больше, пожалуйста, ничего подобного не приносите.

– Но вы даже не читали... – он не возмущался, просто не верил в отказ.

Кровавые губы вытянулись в снисходительно-презрительную улыбку.

– По синопсису все видно. Одно название «Нежить с Пугорана» чего стоит. А содержание... Непонятно какая тварь, неведомо как попавшая в глухую Эвенкийскую тайгу, начинает нещадно убивать и местных жителей, и геологов, и туристов. В итоге оказывается, что оживший монстр делает это произвольно, понимает тяжесть содеянного, но остановить себя не в состоянии. Так уж создан природой.

– Так ведь в этом же...

Она предостерегающе подняла ладонь и покачала головой, откровенно демонстрируя нежелание слушать какие-либо объяснения.

– Читатели стали вяло скупать ТАКУЮ, с позволения сказать, литературу. Книголюбы возвращаются к истокам, – ее невзрачные глаза впервые с начала разговора заблестели, а улыбка приобрела оттенок довольства. – Хватит! Наглопались до отрывки! Издательство сформировало новую политику, главный постулат которой: не печатать безвкусицу. Касательно фантастики: это Стругацкие, Ефремов, Булычев, Брэдбери, Шекли, Гаррисон... Вам понятен вектор?

Скрипя зубами, кивнул.

– Ну и молодежь, конечно. Если она интересно и качественно пишет.

Далее слушать не стал. Нервно сдернул со стола рукопись, едва не сбросив на пол очки вампирши, и поспешил покинуть кабинет, ставший нестерпимо душным и темным. На подходе к двери услышал тихий голос, похожий на змеиное шипение:

– Вы не бесталаный автор. Подумайте, крепко подумайте. А потом садитесь за письменный стол и работайте. Беспреданно работайте! Всё, кажущееся поверхностным, наносным – безжалостно в корзину. Только напрягая мозг до отказа, заработав мозоль на пятой точке можно достигнуть результата.

Обернувшись, увидел, что она и не смотрела на него, а опустила глаза в чью-то пухлую рукопись. Ничего не ответив, вышел. Но не хлопнул, как намеревался, дверью, а закрыл ее вполне буднично: без аккуратности, но и без вызова.

В тот же вечер напился в полном одиночестве. Так, что душа только ближе к полудню следующего дня поняла, что это брэнное тело ею еще не покинуто. Две чашки крепкого кофе слегка качнули похмельный туман, сделав его чуть прозрачнее. В мозгу родилась и как-то сразу утвердилась мысль: а ведь эта стерва, этот инквизитор текстов права. Пришла пора меняться! Точнее сказать, нужно расти. Не душить собственную песню, не служить чуждым самому себе

идеям, а развивать замыслы близкие, родные сердцу. Он умеет рассказывать интересные истории с неожиданными ходами! Резкие сюжетные повороты вполне имеют право быть, но они должны вписываться в общую спираль повествования, а не ответвляться в неизвестность или тупик. Дать каждому значимому персонажу характер, приземлить его. В реальной жизни не все человеческие поступки поддаются объяснению, но читатель должен понимать или хотя бы догадываться о причинах, побуждающих литературных героев поступать так, а не иначе. Не обязательно закладывать в текст глубокий или двойной смысл, заставляя читателя искать его между строк, но в любом рассказе, повести или романе присутствие данного атрибута, хотя бы в зачатке – насущная необходимость. Его этому усердно учили на протяжении пяти лет! А он благополучно позабыл... Трудно признаться самому себе, но в некоторых произведениях он попросту игнорировал и смысл, и идею. Не говоря уже о такой тонкой, эфемерной, но очень важной составляющей, как интонация. Итогом размышлений, страдающих легким сумбуром, обусловленным остаточными явлениями вчерашних неумеренных возлияний, явился краткий, но вполне логичный вывод: отныне нужно являть миру творения интересные (а лучше захватывающие), запоминающиеся, сентиментальные (пришло на ум в последний момент) и (это главное!) не пустышки.

За работу взялся сразу, не дожидаясь отступления похмельного синдрома. Однако свернуть с протоптанной тропинки и ломануть напрямки через густой лес оказалось делом нелегким. Все время подмывало вернуться обратно и прийти к финалу проторенной дорогой. Одумывался, выделял иногда сразу по несколько страниц и, слегка помедлив, все-таки опускал палец на клавишу `delet`. Перестройка шла нелегко, с торможением и пробуксовкой. Конкуренты же, тоже молодые, наглые, неленивые, вырывались вперед и занимали ниши, предусмотренные им для себя. Но упорный труд, так или иначе, должен быть оплачен. В общем, слава и гонорары Стивена Кинга не пришли, но и голодная смерть не грозила.

...Интересно, услышит он звук выстрела или сразу – краткая боль и беззвучная тьма?

Все-таки довелось стать зрителем в кинотеатре, рассчитанным для сугубо индивидуального просмотра. Неведомый киномеханик запустил пленку с записью не очень хорошего качества, и прожитые годы не запечатлелись на ней цепью упорядоченных событий. Ничего подобного! Они пустились в дикий пляс, наплевав на хронологию, последовательность и логику, будто порыв ветра скинул со стола только что распечатанную рукопись и разметал её по полу. Листы быстро собрали, но они оказались не пронумерованы и легли в стопку без всякого порядка.

Естественно он являлся непосредственным участником всех увиденных событий, но иногда эпизоды выглядели так, словно сюжет писался не от личного имени, а от третьего лица.

...Из хмельного сна выдернул телефонный звонок, погано голосивший в коридоре. Зло перевернувшись с одного бока на другой, громко послал звонившего в направлении, известном любому россиянину с детских лет. Однако неведомый абонент не унимался, и аппарат не прекращал издевательских трелей. По городскому телефону ему последней раз звонили невеста когда. Вообще думал отключить его к чертовой матери, чтобы не беспокоили дурными рекламными звонками, да и мобильной связи вполне хватает, но вот не решился почему-то, исправно платил за древний, с позволения сказать, гаджет. Вот и сейчас, скорее всего, рекламщики окаянные донимают. Понятно, теперь зарабатывает кто как может... Но невозможно же! Что же они, гады, никак не уймутся-то?! Настырные... Твари! Решили дождаться ответа любой ценой. Ненавидя и презирая всё человечество сразу, все-таки сел на диване. Правая ступня задела пустую пивную бутылку, и та с грохотом покатила по выцветшему паркету. В комнате качался предутренний сумрак, а за окном, вокруг жёлтого глаза фонаря, плясали в беспорядочном танце снежинки. Кому он понадобился в такую рань?!

– Да!!! – проорал в трубку, пришлёпав босиком в коридор и сдёрнув её с рычагов как чеку гранаты.

– Здорово, Сырник! – бодро поздоровался голос знакомый, но сразу неузнанный. – Слава богу, живой.

Приготовленные проклятия застряли в немоте изумления. Сырник... Когда к нему в последний раз так обращались? Это откуда-то с другой планеты, из сказочного детства и весёлой юности.

– Чего сопишь-то? Не узнал, что ли?

– Здорово, а...

– Ляхов это! Лёха! Теперь вспомнил?

«Чтоб тебя черти дрючили!» – последовала мгновенная реакция на воспоминание. Правда, мысленная. Подумать только, Лёха Ляхов!

Еще бы он его не помнил! В одном классе учились, от звонка до звонка, как говорится. В друзьях закадычных числились. Вокруг Лёхи девчонки всегда вились стаями. Благоволил к нему слабый пол, ничего не попишешь. Да кто, кстати, этих бестий слабыми додумался назвать. Слабые они... Глазками поведет в нужный момент, грудь оголит как надо, тугой попкой вильнёт, и всё – любой богатырь падёт на четвереньки и посеменит за ней на невидимом поводке. И всю жизнь будет думать, что так оно и надо, что он подчинил её себе, а не наоборот. И помрёт ведь, дуралей, с этой ложной уверенностью. Лёха же богатырской статью никогда не обладал, красавчиком не слыл. Ростом едва до среднего дотягивал; лицо обычного русского раздолбая. Но вот чем-то удавалось ему обаять женское народонаселение, и все тут. Спросить бы у красоток, чем именно, да ведь вряд ли смогут ответить. Разве что глазами приглянулся – двумя крупными угольками-антрацитами в обрамлении длинных черных ресниц, что смотрелось необычно при волосах светло-пшеничного цвета, густых и всегда постриженных и причесанных согласно моде: то полубокс, то прямой пробор, то наголо побритые виски, то патлы до плеч. Глаза, как утверждал сам Лёха, достались ему по наследству от прапрапра – и так далее – бабки по материнской линии, бывшей то ли армянкой, то ли грузинкой; семейное предание не уточняло ни национальности, ни степени родства канувшей в далеких годах родственницы. Не исключено, что данный корневой отросток генеалогического древа семейства Ляховых имелся только в лёхином воображении. Одевался Лёха хорошо и со вкусом. Джинсы, кроссовки, куртки – всё привезено из-за границы и на каждой шмотке лейбл, известный любому цивилизованному человеку. Родители трудились во Внешторге, и в страны правильного Варшавского договора, негодяйского Северо-Атлантического блока и прочие, ни в какие альянсы не входящие, ездили не реже, чем всемирно известный в те докембрийские времена ансамбль «Берёзка». Но своими возможностями иметь недостижимые для множества советских детей штуковины Лёха никогда не кичился. Наоборот, с малых лет отличался щедростью и мог запросто одарить одноклассника (чаще, всё-таки, одноклассницу) упаковкой фломастеров, пачкой жвачки или Чинганчгуком из коллекции индейцев. Чуть ли не инопланетные вещи по тем временам!

– А я и не забывал! – постарался наполнить голос сарказмом, язвительностью и ещё бог знает чем, таким обидным, таким достающим до самой сердцевины души собеседника... Гортань, жаждущая влаги как земля после засухи, отозвалась лишь ничего не выражающим скрипом. Чтобы скрыть собственную неудачу, закашлялся.

– Бухаешь, что ли? – хихикнул Лёха. Всегда был догадливым, сучонок! – Бросай ты это дело, борзописец ты наш ненаглядный, бросай. Ты ведь кто есть? Краса и гордость русской словесности! Так что, переставай алкашествовать и марш к столу. Рожай в муках нетленку или хотя бы просто шедевры, – ехидничал Ляхов.

– Иди в жопу! – прошептал, кладя трубку рядом с телефоном. Сначала хотел вообще бросить её на место и вырвать шнур из розетки, да вот удержало что-то. Не иначе, желание ответить хлётко и в масть, а для этого следовало восстановить форму.

Шустро прочапал на кухню, не обращая внимания на сумасшедший ритм сердца, рванул дверь холодильника, как парашютист кольцо, и выудил с полки бутылку «Жигули барное». Пробку свернул мгновенно – знать бы имя гения, додумавшегося на пивные бутылки присобачивать закручивающиеся пробки! – и, пока ещё из горлышка шёл лёгкий парок, начал лакать горьковатую влагу как изголодавшийся вурдалак теплую кровь. И десяти секунд не прошло, как пустая тара отправилась в мусорное ведро. Приобретая бодрость с каждым шагом, вернулся к телефону.

– Аллэ-аллэ! – верещала трубка. – Ты меня слушаешь?

– Ещё как!

– Тогда повтори мою последнюю фразу.

– А мою последнюю фразу услышать не хочешь?! – в нем пробуждались силы к сопротивлению.

– Ладно-ладно, не фырчи. Ровно через три недели – отметь в календаре! – наш легендарный десятый «А» собирается.

– С чего это вдруг? Лет сто не собирались.

– Так вот потому, что долго не виделись, и решили. Да и юбилей, как ни крути. К тому же, февраль – месяц встречи одноклассников. Короче! Через три недели, в субботу, в шестнадцать ноль-ноль собираемся в ресторане «Робин Гуд». Слышал о таком?

– Доводилось. В Шервудском лесу разбойничал, с Ноттингемским шерифом разборки учинял.

– Остришь? Уже хорошо! Я про ресторан.

– Я по кабакам не шастаю, и...

– Можешь не продолжать! За час... Нет, лучше за полтора до сборища я за тобой заскочу. Дресс-код, сам понимаешь. Костюмчик с галстуком найдёшь?

– Как раз с выпускного где-то завалялся. И вообще, меня не интересуют бывшие одноклассники. Тысячу лет их не видел и ещё столько же не собираюсь. Никуда я не пойду!

– Уверен? Или свободной наличности не хватает? За это не переживай. Ресторан принадлежит одной из наших девчонок, она банкует.

– Кто же это? – любопытство, крепко сидящее в любом писателе, выскочило наверх, оттолкнув все остальные чувства.

– Сюрпра-айз, дорогой мой, сюрпрайз. На месте узнаешь.

– Я же сказал: не пойду!

– Тогда умрёшь от любопытства, не узнав нашего спонсора. А если и выживешь, то тебя доконает такой вот фактец: там будет Варвара и она просила передать лично, что очень и очень желает тебя видеть.

Последнюю фразу Ляхов произнёс тихо, почти шепотом, с нажимом на слова «очень» и «тебя». Запрещенный прием! С Варварой они не виделись давно, и встречу ту иначе как безумной и не назовешь. Хочется взглянуть на нее теперь, по прошествии многих лет? А много ли найдется мужиков, не желающих случайной встречи с первой любовью?! Пусть всё отболело и покрылось толстым слоем пыли. Впрочем, похмелье нередко затрагивало в нем ностальгические и сентиментальные струны.

– Так за тобой заехать? – Ляхов спросил тоном человека, уверенного в положительном ответе.

– Сам доберусь!!! – рявкнул и зло швырнул трубку на место, словно именно она являлась причиной всех его бед и неудач. – Козёл пунктирный!

Во время разговора зима ещё всю играла мускулами, а теперь лето в полной силе. Небольшой, в общем-то, срок, приведший его в шваховое положение с пистолетом у виска.

...Первого сентября, страшно вспомнить какого далекого уже года, девочка с огромными белыми бантами, один из которых щекотал ему щеку, стояла слева от него на линейке,

посвященной началу учебного года, первого для них. Денек постарался соответствовать торжественному событию и выдался солнечным и теплым. Деревья осторожно роняли пожелтевшие листья, а оставшимися, еще зелеными, тихо-тихо шумели. Дети, от мала до велика, стояли на асфальтовой площадке перед распахнутыми дверьми в желтоватое здание с барельефами великих писателей и ученых на фасаде и слушали приветственные речи пузатого крючконого директора и недавних выпускников, перемежавшиеся песнями про школьные годы прекрасные.

Страна развитого социализма казалась нерушимой, о чем прямо и заявлялось в ее гимне, колбаса, еще не исчезнувшая из магазинов, производилась исключительно из натуральных продуктов, все памятники Ленину стояли на своих местах и считались неприкасаемыми. Впрочем, первоклашки о таких вещах и не задумывались. Позже многие юные головы начнут посещать мысли о бессмысленности запретов на дискотеках западных рок и поп-групп и невыносимой скукотищи и казенщины большинства комсомольских собраний. Но это случится потом. Пока же они всего лишь мальчишки и девчонки, чуть тревожно-гордые от ожидания жизни новой, неведомой, но обязательно прекрасной. И букеты, едва ли не выше их ростом, ещё не скоро увянут в квартире их первой учительницы. И старая школа номер триста два, примостившаяся в низине, в двух шагах от Москвы-реки, в полукольце большущих «сталинских» домов неподалёку от метро «Таганская», на целых десять лет станет местом их первой работы, на которую не всегда ходят с удовольствием. Лишь по прошествии лет, когда взрослая жизнь нещадно навалится со всеми своими проблемами и радостями, придет понимание, что, скорее всего, эти десять лет и были самыми добрыми и счастливыми и сладкая ностальгия по ним никогда не выветрится из души.

Девочку эту он никогда раньше не видел, как и многих других одноклассников. Смешные тёмные косички, чуть вздёрнутый носик, улыбка играет на пухлых губах. Ничего особенного. Таких тут несколько десятков собралось. Чего на них внимания обращать? Совершенно непонятный народец! Все время мельтешат рядом, играют в непонятные и неинтересные игры. Обожают сказку про «Золушку». Балбески! «Старик Хоттабыч» куда увлекательнее.

В классе они оказались далеко друг от друга, на разных рядах: он – ближе к выходу, она – впереди, у окна. Учительница называла всех по фамилиям и именам, ребята вставали со своих мест, но он почти никого не запоминал, и ее в том числе.

С Ляховым они познакомились в первые минуты пребывания в классе. Шустряк с острым взглядом сел рядом с ним и сразу, как-то вовсе не по-детски, представился:

– Алексей. Проще – Лёха, – и руку протянул совсем по-взрослому. – Фамилия – Ляхов. А тебя как зовут?

– Никита, – напор нового знакомого не обескуражил, скорее понравился; и рука у него оказалась сухой и не по-детски уверенной. – Сырцов.

– Понял. Дружить будем?

Почему бы и нет? Каких-либо крепких связей в детском саду не образовалось, а про настоящую крепкую дружбу в детских книжках написано немало и завлекательно. Пора бы ее уже и испытать.

Ляхов оказался мальчиком нестеснительным и не по годам эрудированным. Пока все пребывали в лёгком или тяжком (у кого как) смущении от первого школьного дня, он вел себя совершенно раскованно. Учительница Вера Марковна – как оказалось потом, их класс для неё тоже был первым преподавательским опытом – задавала разные вопросы, пряча за большими, чуть затемнёнными, очками (за них и получила прозвище Черепашка, они предавали ей сходство с мультяшным персонажем, распеваящим с шалопаистым львенком веселую песенку) свою нервозность, и пока все думали, что ответить, Лёха уверенно тянул руку вверх, чуть привставая при этом.

– Вы знаете номер нашей школы? – она стояла по центру класса, у доски, высокая, стройная и красивая, заложив руки за спину, полагая, наверное, что такая поза добавляет ей солидности. Но она и так сейчас являлась для первоклашек непререкаемым авторитетом, примерно в одном ряду с родителями. Не все, впервые севшие за парты, умели читать, не говоря уже о письме, а Вера Марковна обещалась их всему этому, как и многому другому, научить. И никто не сомневался, что научит.

Над сидящим классом выросла рука. Потом ещё и ещё, примерно с десяток, но именно Лёха оказался первым.

– Пожалуйста... Ляхов.

– Номер триста два, Вера Марковна! Класс первый «А»! – голос мальчишки звучал звонко, как у исполнителя песни «Юный барабанщик». – В нашей школе учился детский писатель Аркадий Ухов, автор известной книги «Приключения Петьки Промокашкина»!

Учительница убрала руки из-за спины и сложила их спереди, а потом села на своё рабочее место.

– Молодец! Тебе родители эту книжку читали?

– Нет! – возразил мальчишка не без гордости. – Я сам. Два раза!

– Сам?! – она не сумела скрыть удивления.

– Конечно. Я с четырёх лет читать умею.

– И что же, понравилась она тебе?

– Очень! Всем советую!

Никита к школе тоже читать выучился, и книжка про приключения обаятельного шалопая Промокашкина в книжном шкафу дома имелась. Мама вообще всячески прививала ему любовь к чтению и сама, иной раз до поздней ночи, засиживалась с толстым романом. Покупала втридорога абонементы на приобретение очередного тома Дюма, не имея времени и желания сдавать двадцать килограмм макулатуры. Роман Ухова по толщине мало уступал кирпичу и Никита, хотя и присматривался к нему, читать не решался. А этот Ляхов осилил её аж два раза! Или врёт?

– А с кем Промокашкин дружил? – Вера Марковна обращалась непосредственно к Ляхову, потому как остальные первачки молчали.

– С Кочаном! – последовал молниеносный ответ. – То есть, с Капустиным. Это Промокашкин дал ему кличку Кочан. Ну, по фамилии.

– Спасибо. Садись.

– А можно один вопрос? – Лёхе явно нравилось быть героем сцены.

– Разумеется.

– Всем великим писателям вешают памятные доски на домах, где они жили или учились.

Почему на нашей школе нет доски с именем Ухина?

Учительница смутилась и ответила не сразу.

– Видишь ли... Ляхов... Таких почестей писатели удостоиваются только после смерти. И то не все... Ухин же, слава... Благодаря судьбе, еще жив. Насколько я знаю...

– Так может в честь него нашу школу назвать? – не унимался Ляхов.

– Это тоже... потом... Садись, пожалуйста.

Далее Вера Марковна спрашивала про столицу нашей родины, спутник Земли и про место обитания слонов. Ляхов поднимал руку без промедления. Вопросы особой сложности не представляли, да и ребята понемногу освоились и осмелели, вызывались отвечать, но сосед по парте неизбежно оказывался проворнее. Вера Марковна в интересах педагогики поднимала не только его, но и других мальчишек и девчонок, но Ляхов к каждому ответу присовокуплял дополнительную информацию. Сообщил, например, что знает столицу Эфиопии и это – Аддис-Абеба, а также ему известен город, название которого не все могут выговорить с первого раза – Тируванамтапурам и находится он на самом юге Индии. Кроме того, поведал с

интересом слушавшим его выступления одноклассникам о наличии у Марса двух спутников, Фобоса и Демоса. О слонах сведения его оказались скудны, но он знал одно из отличий индийских гигантов от их африканских собратьев: первые успешно поддаются дрессировке, вторые никогда. Заканчивая знакомство с классом, Вера Марковна рискнула предположить:

– Я думаю, ребята, что Алексей Ляхов – будущий круглый отличник.

Прогноз не сбился. Задатками отличника Лёха, конечно, обладал и многое ему давалось слету, без особого напряжения, но там, где требовалась въедливость и усидчивость, он вполне довольствовался хорошим и даже средним баллом. Если же что-то вообще не вызывало его интереса, он едва заставлял себя вникнуть хотя бы в азы, чтобы не скатиться до позорного неуда. Впрочем, тем и предметов, вызывавших у Лёхи полное равнодушие, насчитывалось не так много

Никите приходилось иногда слышать лепет незлой зависти: самому легко и непринужденно не удавалось взять ни одной вершины. Приходилось вгрызаться во всё, чтобы получить пятерки, да и четверки ловились только на прикормленном месте. Однако особых страданий от необходимости часами проводить за письменным столом, вдумчиво читать учебники, корпеть над сложными задачами и примерами, проникать в сущность доказательства теорем он не испытывал; ему нравились тишина, шелест страниц, неторопливый бег авторучки по тетрадным строчкам, мягкий свет настольной лампы. Где-то там, за окнами, бушует человеческий океан, а в родной комнате так уютно, что порой не хочется выбираться в негостеприимный мир. Да и любопытство подзуживало: надо же докопаться до сути. При необходимости элементарной зубрежки, природная память оказывала неоценимые услуги. Если, к примеру, задавали выучить отрывок из «Бородино», на следующий день он, к всеобщему удивлению класса и умилению учительницы, декларировал стихотворение полностью и без запинки. В девятом классе, перед городской контрольной по алгебре, когда на кону стояла оценка за год, он всё воскресенье просидел за толстым задачником Сканами, со скрипом решая длиннющие примеры на сокращение и с кучей неизвестных. А за окном распоясалась весна, дыша в открытые форточки пьянящим воздухом, насыщенным запахом недавно лопнувших тополиных почек... После полудня друг Лёха звонил несколько раз в течении двух часов, призывая бросить к черту надоевшие иксы, игреки и квадратные корни и кинуться в объятия города, где девчонки избавились от длинных курток и шапок, облачившись в более легкие одежды. В конце концов, впереди еще целый вечер, да и от ночи можно урвать время на подготовку к завтрашней Голгофе! Он упрямо отказывался. Наконец друг отвязался и отправился с девчонкой из медучилища на прогулку в Парк Горького, а потом допоздна смотрел битву наших с чехами на чемпионате мира по хоккею.

В итоге оба получили оценку «хорошо» по алгебре. И за четверть, и за год.

...Вчерашняя обильная выпивка, дополненная пивом из холодильника, терроризировала почки и сразу после неожиданного и малоприятного телефонного разговора он ринулся в туалет. С рождения жил в трёхкомнатной квартире, на третьем этаже старенькой кирпичной восьмизатяжки, в десяти минутах ходьбы от родной школы, ближе к «Таганской»-радиальной. По нынешним временам жилплощадь невеликая, но ему одному – за глаза, да и уезжать куда-либо из родного гнезда не хотелось. Матушку, когда-то руководившую цехом на Втором московском часовом заводе, теперь снесённым до основания, insult уже давно отправил на Калитниковское кладбище, уложив рядом с мужем, отличным врачом-онкологом, просмотревшим эту заразу в себе и не дождавшимся окончания сыном школы. Подавляющее большинство одноклассников перебрались в более престижные новостройки, соседи поменялись по несколько раз, а он и не задумывался о замене своей норки. Одиночеством не тяготился и со временем стал получать от него удовольствие. Соединить свою судьбу с какой-нибудь женщиной, пустить ее в свой дом, чтобы она начала тут наводить свои порядки? Сомнительная для его натуры затея. Иногда, правда, трепеталась в мозгу полумертвым мотыльком мысль: вот если

бы захлестнули настоящие чувства... Но мотылек быстро отдавал концы. Хватит! На любовь давно выработалась стойкая аллергия. Когда естество брало свое, открывал раздел «Досуг», прижившийся в подвале «Московского комсомольца», и вызванивал на все готовых девок. Оно, конечно, удобно: покувыркался с работницей вечного секс-сервиса, получил разрядку, заплатил и – прощай, детка; никакой ответственности, никаких обязанностей со стороны клиента. Но такое времяпрепровождение по душе не пришлось. Во-первых, запросто можно стать завсегдатаем вендиспансера. Во-вторых, девчонок с клофелином в сумочке никто не отменял. Проснешься потом с большой головой и пустым кошельком. Но главное – брезгливость. Писательское воображение включалось в самые ответственные моменты, живо рисуя как мадам, сейчас стонущая от его ласк, час назад ублажала совсем другого мужика, обязательно противного, жирного и волосатого как обезьяна. А то и нескольких сразу. Мягко говоря, такие картинки не возбуждали. Тут же вспоминалась шутка из юности: целуя девушку, подумай, а не облизываешь ли ты сейчас кое-что у своего товарища. В общем, ему казалось предпочтительнее быть голодным, нежели питаться с помойки. Хотя скоротечные и легкие романы изредка, но случались, не оставляя в душе ни сладких воспоминаний, ни горького осадка, ни кровотокащих ран.

Есть на свете счастливицы, гордо именующие себя рантье. С некоторой натяжкой он тоже мог себя причислить к этой когорте избранных. Весьма условно, конечно. Тётушка по отцовской линии, лишенная из-за ошибок молодости счастья деторождения, окружила единственного племянника нерастроченной материнской любовью с момента появления его на свет. И вот однажды тетя Надя презентовала ему новенькую просторную двухкомнатную квартиру в Южном Бутово.

– Знаю, – сказала, небрежно вручая ему ключи, – ты в эту Караганду не поедешь. Можешь сдавать, чтобы зубы на полку не положить. На своих творениях, чувствую, не разживешься. Может, дитё народить сподобишься, ему потом оставишь. Хотя, от тебя женитьбы и детей вряд ли дождешься. Бирюк он и есть бирюк. В общем, делай как знаешь.

Руки целовать таким теткам! От последнего мужа-академика, годившегося ей в отцы, она унаследовала пятикомнатные хоромы на Ленинском проспекте и поступила с ними весьма рационально, разменяв на две солидные «двушки». Одна досталась ненаглядному племяннику, а вторая, в районе Плющихи, сдавалась в наем. И еще денег хватало на двухэтажный брусочный дом со всеми удобствами в коттеджном поселке на северо-восточном краю Подмосковья. Там тетюшка и обитала по сей день в добром здравии, выращивая в свое удовольствие всякие-разные цветочки, овощи, да ягодки. Он навещался к ней раз в год, да и то високосный, но больше двух дней никогда не задерживался – загородная жизнь ни разу его душу не трогала.

Завершив очистительные для организма дела, переместился в ванную комнату и придиричливо посмотрел в зеркало. Картинка, представленная честным стеклом, оказалась так себе. Когда-то тёмно-русые, слегка выющиеся и густые как пакля волосы заметно поредели, поседели неровно, без претензий на благородство и как минимум нуждались в расческе, а по-хорошему – в визите в парикмахерскую; лицо отечное, под глазами мешки, морщины на лбу не разглаживаются, даже если натянуть кожу. Ещё следовало сбрить несколькодневную щетину, никак не тянущую на модную брутальность. «Да я и не мальчик уже! – пытался оправдаться перед зеркалом. – На фитнес не хожу, ботоксом не пользуюсь. Нормально выгляжу для своих лет! Да, перебрал накануне. С кем не бывает? А повод у меня железобетонный, между прочим».

Три дня назад, когда он аппетитно завтракал омлетом с беконом, лежащий рядышком на столе давно не новый айфон высветил неизвестный номер и заиграл мелодию, напоминающую плеск лениво набегающих на берег волн. Отвечать не хотелось. Стоит ли прерывать трапезу из-за звонка неведомого абонента? Да и кто может беспокоить человека в десять часов утра? Не интересны ему ни стоматология, ни юридические услуги, ни такси, ни что-либо еще

от навязчивых предлагателей многочисленных услуг. Повадились, блин, телефонными базами пользоваться! Но вот что-то заставило махнуть пальцем по дисплею.

– Да! – сказал тоном человека, не очень довольного всем мироустройством сразу.

– Никита Викторович? – спросил миловидный голос с нотками заискивания. Сейчас точно чего-нибудь впаривать начнет!

– Да! И мне от вас ничего...

– Меня зовут Дарья, я из кинокомпании «Запятая», – бодро прервала невидимая мамзель. – В прошлом месяце в журнале «Нереальность» был напечатан ваш рассказ «Шторм». Эта вещь нам понравилась. Принято решение о ее экранизации. Нам нужен сценарий. Вы справитесь за неделю?

О как! Его заведомо считают согласным. Он оторопел, но это было приятно. Кинокомпания, экранизация, сценарий... Сроду ничего не слышал о «Запятой»! Но с киношниками дела никогда не имел, и кто знает, сколько там вообще развелось студий и компаний. Мало найдется людей, решительно отказывающихся войти в мир грез. Или хотя бы заглянуть в приоткрытую дверь и немного постоять на пороге. В памяти всплыли строки песни из древнего мультфильма: «Профессий много, но прекрасней всех кино. К в этот мир попал, навеки счастлив стал». Вот только сценарии писать никогда не приходилось. Хотя, что тут сложного?! Нечто вроде пьесы. Правда, неделя не его срок. Всегда писал неторопливо и выдать за ночь пьесу, как Лопе де Вега, не мог.

– Я с удовольствием! – тянуть время не имело смысла. – Но я сценариями никогда не занимался, к тому же неделя такой срок что...

– Не беда! – Дарья не стала его дослушивать. – У нас в штате есть группа сценаристов, они сделают всё, как надо. А в титрах будет ссылка, что фильм снят по мотивам вашего произведения. Разумеется, не бесплатно. Такой вариант устроит?

Капризничать он не собирался. Кухни кино не знал, но догадывался: гонорары за сценарий и за упоминание имени автора, чье произведение легло в основу фильма, несопоставимы, но тут важно сделать первый шаг, зацепиться за хвост неожиданно подвернувшейся удачи.

В тот же день он приехал по названному бойкой Дарьей адресу. Свернул, выйдя из метро «Китай-город», в сторону Солянки, поплутал немного в хитросплетениях улочек и переулков и вышел к трехэтажному одноподъездному зданию старой постройки, подвергшегося, судя по виду, недавнему капитальному ремонту: стеклопакеты, нежная зелень чуть ли не вчера высохшей краски. Три ступеньки ведут к массивной железной двери с кнопкой видеодомофона. Справа от двери прямоугольная табличка розового цвета с надписью под ней в две черных строки: «Кинокомпания Запятая», под ними три жирных запятых с короткими хвостиками, тоже розовые, только немного темнее, расположенных острым треугольником вершиной вниз. Подумалось: а почему, собственно, компания находится здесь, а не где-нибудь в районе Мосфильмовской улицы? Впрочем, какая ему разница?

Подойдя вплотную к входу, заметил некий абрис на эмблеме «Запятой», но разглядеть толком не успел. Дверь распахнулась и из нее вышли две сексапильные молодки. Окинули его усталым взглядом и отправились дальше. Поймав за ручку закрывающуюся дверь, шагнул внутрь.

– Здравствуйте! – поприветствовал он немолодого секьюрити в строгом костюме, сидевшем на ресепшене рядом с турникетом. – Мне позвонила ваша сотрудница Дарья и пригласила зайти в пятый кабинет.

– Ваша фамилия? – безучастно, но не злобно уточнил охранник.

– Никита Викторович Сырцов, – решил представиться полностью и не без гордости добавил: – По моему рассказу фильм снимать хотят.

Охранник ничего не ответил, а только как-то странно, будто недоверчиво ухмыльнулся и стал смотреть в экран стоящего перед ним компьютера.

– Паспорт покажите, – попросил страж.

Сверив данные, паспорт вернул и дал добро на проход:

– Налево по коридору до лестницы, там на второй этаж. Кабинет номер семь.

Поблагодарив охранника, толкнув вертушку турникета, он ступил в мир киноискусства.

Все как в офисах солидных фирм: везде чисто, покрытый ламинатом пол недавно помыт, о чем предупреждает соответствующий переносной знак, светло, кулер и автомат с кофе в наличии. Только, почему-то, ни души не встретилось ему в коридоре. Но несколько дверей тут имелось, и невнятные шумы и разговоры из-за них доносились. Наверное, именно там и кипела работа.

Кабинет с указанным номером оказался аккурат напротив выхода с лестницы. Глубоко вздохнув, постучался в добротную дверь светло-бежевого цвета. Здесь, внутри здания, вообще было все в светлых, приятных глазу тонах.

– Войдите! – раздался уже знакомый голос.

В небольшом помещении размером со стандартную комнату, за офисным столом из прозрачного стекла сидела женщина лет тридцати, испускавшая сексуальность как квазар электромагнитное излучение. Ярко-рыжие волосы подстрижены коротко, по-мальчишески, костюм брючный, застегнутый чуть не до подбородка, натянут на большой груди до предела, черты лица правильные, но не броские, губки пухленькие, не яркие; вообще косметики минимум, и она настолько натуральна, что будто ее и нет вовсе. Вроде, милая дама и ничего более. Но такие мощные невидимые токи исходили от нее, врезаясь сразу в мужское подсознание... Всё на свете отдашь, чтобы расстегнуть несколько верхних пуговиц ее пиджака цвета только что распустившейся нежно-розовой орхидеи.

– Ну что же вы? – донеслось до него откуда-то с края галактики. – Проходите, садитесь.

Только теперь он понял, что стоит столбом, не сделав и шага от входной двери. На губах Дарья играла приветливая улыбка, а в глазах светился недвусмысленный вопрос: «Что, дядя, мозги в штаны упали?». Чертовка определенно знала какое влияние оказывает на мужиков! Таким женщинам не поют серенады под окном, не пишут стихи бессонными ночами, не изошряются в ухаживаниях. В охапку – и на диван! Вот что нужно делать. И сопротивления такие самки не оказывают. Надо же, и диван в кабинете имеется. Точнее – кушетка с велюровой обивкой цвета слоновой кости. Но и она сойдет для сексуальных выкрутасов. И на стенах антураж подходящий – с десятков фотографий полуобнажённых женщин с очень аппетитными формами. А он сразу и не заметил...

Все-таки добрался до стола и уселся на жесткий стул, похожий на те, что стоят у стоек в барах, только со спинкой. Дарья тут же протянула ему обычный листок формата А 4.

– Я... – он вспомнил, что еще не представился.

– Никита Викторович Сырцов, – улыбка осталась на ее лице, а глаза, оказавшиеся цвета бурбона, теперь светились победоносным блеском. – Меня предупредили с поста охраны.

– А-а... Понятно.

Строчки предоставленного договора извивались в эротическом танце, никак не давая вникнуть в смысл написанного.

– Вам что-то непонятно? Не стесняйтесь, спрашивайте, – голосок мягкий, как простынку стелящий.

Небольшой и несложный текст он действительно читал неприлично долго.

– Одну секунду... – язык казался шершавым, как наждачная бумага.

Наконец он заставил себя хоть как-то вникнуть в суть дела и счел договор привлекательным. Единовременная выплата, полторы тысячи долларов (в рублях), обязательное приглашение на премьеру и возможное продолжение сотрудничества в случае заинтересованности обеих сторон.

– Меня всё устраивает!

Подписал в месте, где стояла галочка, поставил дату и передал договор Дарье.

– Отличненько! – от одной улыбки можно умереть.

Мягким кошачьим движением она подвинула к нему конверт, лежавший тут же на столе.

– Пересчитайте.

– Я вам верю, – поспешно взял конверт, несколько секунд искал место, куда его пристроить, и наконец засунул в задний карман джинсов.

– Тогда с вас еще одна подпись. Что деньги получены.

Не глядя чирканул, где нужно, и отбыл восвояси, только на улице, на холодном ветру осознал, что сейчас запросто мог расписаться в готовности работать бесплатно. Да что там!.. Квартиру бы отдал и не заметил.

Писательская привычка фиксировать яркие человеческие образы сработала автоматически. Дарью для себя он определил как порнозвезду в отставке, решившую завязать с непристойным занятием и найти себе дело, не связанное с адюльтером напоказ, но близкое к кинематографу. Произошло это недавно, навыки остались и нутро порой выглядывало наружу и тянуло обратно. Но она как могла боролась с пагубным желанием, хотя до окончательной победы еще оставались долгие годы борьбы и нередкие визиты к психологу. Жаль, эротических романов он не писал, да и вообще душевные метания не его тематика. Да уж больно типаж хорош! Когда-то, когда казалось, что все только начинается и впереди лежит путь славный и успешный, довелось иметь хорошие отношения с одной коллегой. Ей бы предложить такой типаж... Но уже много лет он не знал о ней ничего. Пропала где-то в жизненном коловороте. Почему вдруг сейчас её вспомнил?..

Разве можно было остаться в такой день трезвым?! И он нырнул к себе в берлогу, хорошенько затарившись не слишком дорогим виски, пивом и закуской. Обожал устраивать себе такие дни, когда под выпивон можно посмотреть любимые фильмы, окунуться в ностальгические воспоминания, покумекать над замыслом нового произведения. Да, возможно он затянул погружение в нирвану, но человек творческий имеет на это право. В конце концов, каждый по-своему приманивает вдохновение. И вот тебе здрастье: неожиданный звонок забытого друга. Да и не друг он уже давно, скорее наоборот.

Надо бы послать куда подальше намечающееся сборище немолодых людей, ему интересных не более, чем погода в Антарктике, и все дела! Но туда придет Варвара... Сердце решило напомнить о себе сильной аритмией. Похмелье? А может, сердечные раны не рубцуются и готовы кровоточить, только дотронься? Не мог выбрать наиболее предпочтительный ответ, и начал дискуссию с самим собой. Есть желание увидеть первую любовь? Не ври себе и добавь к вопросу слово «единственную»! Любопытно было бы... А кому не хочется?! Но тут случай особый. Забыл, что произошло? Годы ведь схлынули, годы! Да и прошлого не вернуть... Тебе отражение в зеркале сильно нравится? А вы с ней ровесники. Или она помолодела с годами? Когда там к ним климакс приходит? Она и раньше была с норовом, а уж теперь... Между прочим, женское увядание заметнее мужского. Но сейчас к услугам дам выращены сады молодильных яблок всяческих сортов: косметология, здоровое питание, фитнес, пластическая хирургия и ещё много чего, способного сделать внешность привлекательной и в возрасте прабабушки. Да-да, сейчас и на пенсии можно иметь грудь, как в пору цветения. Главное – возможность оплатить вторую молодость. А такая возможность у Варвары есть? Наверняка!

Он напрягся, включил на полную мощность воображение, стараясь увидеть ее в образе этакой молодящейся бабенции предпенсионного возраста. Напрасно! Она всплывала перед мысленным взором молодой, симпатичной и желанной.

...Оказалось, что девчонку со смешными косичками зовут Варей. В их классе учились три Иры, три Наташи и две Лены. Варь больше не было. Да и все годы учебы девчонки с таким именем ему не попадались. Как оказалось, и потом, во взрослой жизни, Варвары не повстречалось.

Никогда! Безусловно, женщины по имени Варвара существовали и в изрядном количестве, но его словно обходили стороной. В кино, в литературе – пожалуйста, а чтобы наяву... Хоть мельком, хоть опосредованно. Хоть на улице кто-нибудь кого-нибудь так окликнул. Ничего подобного. Как отрубил! Наверняка, если покопаться в памяти, найдется еще несколько человек, с тезками которых ему встретиться так и не довелось. Но запомнилась только Варвара. Да и могло ли быть иначе, если подумать хорошенько?

Гадким утенком она никогда не была, но мальчишки не сразу полетели к ней как глупые мотыльки на смертельно опасный свет. Класе в пятом на нее стали поглядывать, в шестом оказывать знаки внимания, в седьмом-восьмом влюбляться до потери пульса, а дальше она могла свести с ума любого Алэн Делона и не только из своих ровесников. И не сказать, чтобы красотой блистала неподражаемой, но что-то необычайно манящее для противоположного пола в ней присутствовало с избытком.

К пубертатном возрасту Варя заметно подросла, прелестно округлилась там, где необходимо, две косички сплелись в одну, но широкою, длинную и черную как вороново крыло (это сравнение попало ему в одной из книг и очень понравилось), девчачье личико сменилось лицом миловидной девушки с ямочками на аппетитных щёчках; аквамариновые, миндалевидные глаза лишились детского наива, но приобрели загадочную хитринку, а иногда, совершенно не по годам, пронизывали собеседника не хуже мушкетёрской шпаги. Едва заметную смуглость кожи ей подарила кровь индуса, студента имени Патрисы Лумумбы, крутанувшего умопомрачительный роман с красивой москвичкой. Правильные черты лица, цвет глаз, живой ум, отличная ориентация (уже тогда, в детском возрасте) в жизненных обстоятельствах, независимый и часто непредсказуемый характер – от матери, довольно быстро охладевшей к уроженцу жаркого Бомбея. Фамилию Стержнева ей дал отчим, удочеривший девочку в младенческом возрасте.

В седьмом классе, ближе к весне, он просто погиб. Будучи юношей начитанным, прекрасно знал про чувство, именуемое любовью. Слышал, что оно может родиться внезапно, без всяких прелюдий, а может долго вызревать, прежде чем свести с ума; может принести великое счастье, а может утопить в страданиях. Но что там книжные герои! Им вольготно существовать в шелесте страниц, за них все уже давно придумано. Не сразу и понял, что втрескался по уши и безвозвратно. Сначала было приятно просто видеть Варю, болтать с ней мимоходом и ни о чем, откалывать шуточки, и слышать ее смех, залихватский и искренний, проводить невзначай из школы до дома, вроде бы как по пути. Когда она на пару недель слегла с простудой, он впервые ощутил некий дискомфорт от ее отсутствия. Позвонить бы, справиться о здоровье, да телефон выведать не успел. И как же сладостно зашевелилось сердце, когда она опять появилась в классе. А потом... Потом – всё! Другие девчонки для него перестали существовать, превратившись в бесполок особей, живущих с ним на одной планете. А ведь некоторые из ровесниц смотрели на него не без интереса: высокий, крепкий, умный, привлекательный. Стеснялся нахлынувшей любви, прятал поглубже, словно украденную вещь. Но разве возможно сдерживать несущуюся с горной вершины лавину? Блеск влюбленных глаз невозможно скрыть даже под солнцезащитными очками.

Теоретически знал, чем заканчиваются прогулки при луне и вздохи на скамейке. Возжелал ли он ее? Тогда и думать об этом не смел. Покупал билеты в кино, если удавалось, на последний ряд. Но только по тому, что оттуда лучше видно. И они действительно смотрели фильмы, а не целовались. Единственное, что позволял он себе на сеансах, взять ее ладонь в свою. Она никогда не сопротивлялась. Пацаны постарше в дворовых посиделках охотно делились сексуальным опытом (с возрастом осознал отсутствие такового у большинства из них), их сальные рассказы резали ему слух: пошло, грубо, грязно, неуважительно к девчонкам. Не так, совсем не так всё должно случиться у них с Варей!

Она как-то сразу приняла его незатейливые ухаживания. Без капризов. Естественно и не мучая раздумьями согласилась прогуляться в воскресенье. Пойти в кино. А что тут, мол, такого? Я сегодня свободна, почему бы не провести с одноклассником свободное время. Никто другой ведь, пока, позвать не решился. Ни жестом, ни взглядом, ни словом не выражала своего отношения. Чувствовала ли она, что у него в душе бушует пожар, когда он её видит, что он весь плавится, находясь в шаге от неё, буквально умирает от случайных прикосновений? Несомненно! Не могла не чувствовать.

Однажды, перед расставанием у её подъезда, он вдруг осмелел и поцеловал холодную и влажную от мартовской оттепели щечку. Едва не потерял сознание от собственной смелости и сладкого бархата девичьей кожи. С её стороны не произошло ничего! Ни тебе звонкой пощечины, ни фырканья, служащего то ли осуждением, то ли одобрением, ни положительного отклика. Лишь легкое, односекундное сближение изящных бровей и мимолетная вспышка искорок в лукавом взоре. Бросила обычное «пока» и, не ускоряя шага, вошла в подъезд. А он замер у подъезда на добрые полчаса, забыв дышать.

Вскоре после этого случая лучший друг провел с ним неожиданный урок по ликвидации сексуальной неграмотности, используя пособие, нагляднее которого и не придумаешь. Пожизненно вечером еще неокрепшей весны он зашел за Лёхой, чтобы вместе пойти куда-нибудь прошвырнуться. Тот прямо с порога подмигнул хитро угольным глазом и с видом шпиона, решившего поделиться с хорошим знакомым тайной, не подлежащей разглашению, пригласил:

– Пошли! Такое покажу, офонареешь!

Зачем же отказываться от столь заманчивого предложения? Лёха с родителями жил в превосходной квартире. По тем временам – вообще супер. Три изолированные комнаты, просторные с огромными окнами и высокими потолками, выходили на обе стороны «сталинского» дома. Кухня – дискотеки проводить можно. Обстановка настолько современная, что запросто можно использовать в качестве декораций для фильма о жизни загнивающего запада.

Лёха сразу провёл гостя в родительскую спальню, чего ранее не делал никогда.

– Зачем?..

– Не ссы в компот, там повар ноги моет, – успокоил его Лёха. – Родаки трудятся. В ближайшие час-полтора точно не нагрывают.

В тыльной стороне спальни с супружеским ложем, вполне способным предоставить ночлег четверым нехуденьким людям, располагалась дверь, одновременно служащая зеркалом. Легким движением руки Лёха отодвинул ее в сторону. За ней оказалась каморка, где можно было, при необходимости и раскладушку поставить. Лёха щелкнул выключателем и они вошли. Здесь на многочисленных полках стояли коробки с катушками для домашнего кинопроектора, альбомы с фотографиями, какие-то инструменты и вообще всякая всячина, нужная в хозяйстве, но не выставляемая напоказ; имелось и кресло-качалка, укрытое пледом. Лёха встал на табуретку, вытянулся на цыпочках, запустил руку в глубину верхней полки, где примостились стопки журналов «Вокруг света», подшивки «Юного натуралиста» и газет «За рубежом», и вытащил оттуда небольшую мягкую коробочку темно-синего цвета. Судя по размеру и форме, в неё могли уместиться игральные карты или сигареты.

– Ты что, в картишки решил перекинуться?

– Смотри, балда! – сказал Лёха с укоризной. – Только сразу в обморок не падай.

Он не сразу понял ЧТО именно демонстрирует ему друг. А когда осознал, его слегка качнуло. Порнография, порно, порнуха... Таки слова он слышал, и не раз. Но и представить не мог, насколько там все откровенно показано. Какое там кино «детям до шестнадцати», на которое иногда удавалось попасть и за пять секунд попытаться разглядеть обнаженную женскую грудь! На цветных фото запечатлелось буйство разврата в мельчайших деталях. Присутствовали сцены, которые фантазия тринадцатилетнего пацана не могла нарисовать в силу тоталь-

ного недостатка информации. Покров с тайн женского тела сброшен раз и навсегда. К тому же, теперь ясно что с этим телом можно вытворять.

Запретный плод действительно сладок, и он, не моргая, просмотрел все пятьдесят четыре фотографии. Это действительно оказались игральные карты, на «рубашке» которых красовалось изображение то ли сатира, то ли просто чёрта с торчащим саблевидным пенисом, доставшим до козлиной бороды. Интересно, если такие карты в школу принести и предложить кому-нибудь сыграть, сразу расстреляют или чуть погодя?

– Ты где это взял? – наконец выдохнул он.

– Да тут и нашёл... Папаня, скорей всего, из заграники приволок. Ну а... он не человек, что ли?! Там такого добра – сколько хочешь. Ладно, хорош. Пошли гулять!

Эту ночь он провел в беспокойстве. Похабные картинки всплывали перед глазами, как только подступала дремота. Отсутствием фантазии он никогда не страдал, а потому фотографии оживали и начинали двигаться. Как может выглядеть его возлюбленная совсем без одежды он теперь знал, и она послушно явилась ему. Но как бы отстранённо. Не в общем потоке голых телес показывала себя, и уж тем более не с кем-нибудь из тех самцов с хоботами между ног, а словно находилась выше их, в потоке чистого света, струившегося непонятно откуда и будто покрывавшего её наготу лёгкой-лёгкой вуалью. То есть, он видел у нее всё, что хотел видеть, но не настолько ярко как разверстые гениталии бабищ на тех чёртовых картах.

Недели через две после лицецерения всей голой правды о неизвестной до сей поры стороны человеческой жизни они прогуливались с Лехой после уроков по набережной. Раннеапрельское солнце расщедрилось на тепло, подсушило соскучившийся по его лучам асфальт и в воздухе запахло настоящей весной, уверенной, а не ведущей себя как разведчик на вражеской территории; не хотелось сразу тащиться домой при такой чудной погоде. Мутные воды Москвы-реки несли последние серые льдины, прихваченные где-то в Подмосковье.

– Слушай, – сказал Лёха, резко остановившись, – ты ведь в Варьку втюхался до беспамятства? Да не крути, все уже догадываются! В зеркало на себя посмотри, когда к ней подходишь. Вообще-то, мог и поделиться с другом. Хотя бы для того, чтобы дорожки не пересеклись.

Он почувствовал, как пунцовеют щеки. С Лёхой они друзья, как не крути, но всерьез на такие темы никогда не общались. Болтали шутейно, мне, мол, вон та нравится, а мне эта. И не более того. А он еще про какие-то дорожки балакает.

– Нет! – ответил громко, чуть ли не в крик, будто вопрос содержал в себе нечто обидное. – Не втюхался... Не то слово. Я влюбился! Люблю ее, понимаешь?!

– Да уж, большая разница. Где уж мне понять, бестолковому? – Леха не пытался скрыть своего ехидства. – Это ведь только ты у нас любить способен. А я так, погулять вышел. Мне только втюхиваться дано.

– Перестань, я же серьезно...

– Так и я не шучу. Я вот тебя почему про Варьку спросил... Тебе порнушка понравилась?

– Да при чем тут... – он едва не поперхнулся от неожиданности и неуместности вопроса и оперся обеими руками на парапет, устремив взгляд в воду, пахнущую тиной и нефтью.

– При том при самом, недогадливый ты мой! Ты хотел бы с Варькой так же... Ну... Как на тех картишках. Признавайся! Во сне, небось, и так и этак...

Он замер, словно положил в рот шоколадку, а ему сказали, что в ней цианистый калий. Что он говорит?! Шутит? Но так шутить нельзя! Невозможно! Он отвернулся от воды и посмотрел на Лёху испепеляющим и в тоже время уничижительным взглядом. Никогда и никого он еще не ненавидел в жизни так, как сейчас лучшего друга.

Они сцепились мгновенно, как кошка с собакой, и не разберешь, кто первым бросился в схватку. И покатались клубком по пыльному асфальту, не сразу выпустив из рук портфели. Лёха сперва оказался внизу, и его ярко-красная болоньевая куртка, недавно привезённая родителями из Чехословакии, треснула на спине, не выдержав грубого натиска, жалобно выпустив

солидный клок поролона. Ростом он был ниже, но ловкостью и силой пылкому влюбленному не уступал, а потому быстро вывернулся из захвата и оседлал соперника. Но и его верх оказался скоротечным. Так и менялись они местами, елозя по асфальту, нередко вываливаясь ногами на проезжую часть. Вспышка праведного, как казалось, гнева прошла так же внезапно, как случилась, а потому и удары наносились щадящие, по плечам, да по спине. Ляхов это почувствовал, и ответных не наносил вовсе. Вот только из клинча никто не решался выйти первым, и их схватка стала походить на шуточную борьбу нанайский мальчиков. В азарте дурацкой и бессмысленной свалки они не услышали, как проезжавший мимо мусоровоз остановился неподалёку от них, из него вылез усатый дядька габаритами не уступавший жожаку стаи горилл, и вразвалочку направился к ним. Вдруг неведомая сила оторвала их друг от друга, приподняла над землёй и поставила на ноги. Пыхтя, трепыхаясь и сумасшедше выкатывая глаза парни пытались освободиться, но железная хватка держала за шкурки и не давала ни единого шанса.

– Чего не поделили, щеглы? – громовой бас раздался откуда-то сверху. Задрал головы, они поняли всю тщетность своего сопротивления. С богатырем тягаться бесполезно. – Я жду ответа!

– Да этот лопух, – выпалил Лёха, – за «Спартак» болеет, а я за ЦСКА. Вот и поспорили.

– Ясно, – глухо, как в пустую бочку, хохотнул миротворец. – А я за «Торпедо». Значит, имею полное моральное право накостылять вам обоим. Так? Или не так?

Оба пацана смиренно затихли и замерли, готовясь к худшей участи.

– Ладно, – сказал здоровяк добродушно. – Сегодня прощаю. Собирайте свои манатки! Вон, из портфелей все потроха повыскакивали. И по домам! Или какие претензии друг к другу остались? Тогда вернемся к вопросу: кто за кого болеет?

– Не надо! – ответил нестройный дуэт. – Мы лучше по домам.

– Лады. Уговорили.

Он отпустил их, и вразвалочку пошел к своему невкусно пахнувшему монстру. Выплюнув пару клубов черного дыма, МАЗ покотился дальше, в сторону стадиона «Торпедо».

– Ну ты и дурак, Сырник! – Лёха осматривал свою изгвазданную и порванную обнову. – Мне мать теперь за куртку голову оторвёт. Чего кинулся? Я ведь только так, прикольноуться. Не понял, что ли?

– Приколист хренов! – дышал он уже ровно, но остатки злобы ещё не спрятались в потаенные уголки души. – Про меня можешь как угодно трепаться, разберемся. А про нее даже не вякай. Понял?

– Да чего я такого сказал?! Все люди это делают. И не только ради заведения детей. И ты будешь. Это жизнь, Сырник! Ты не знал?

– Ничего ты не понял! Можно как на твоих картах, а можно... – он запнулся, не зная, как точнее сформулировать свою мысль.

– Ну как, как? Расскажи мне, бестолковому.

– Да иди ты! – он махнул рукой, и они принялись собирать тетради и учебники, в жалком виде валявшиеся на асфальте.

...Ходить или не ходить? Все-таки нужно, нужно явиться на эту долбанную встречу выпускников. Как он ни давил в себе это желание, как не топтал его, как не пытался загнать куда подальше, все оказалось бесполезно. Отказать себе в возможности еще раз увидеть Варвару был не в состоянии. Силы воли не хватало! Конечно, обмануть себя любимого – пустяковое дело, миллион раз испробованное на личном опыте, но сейчас не получилось. Не вышло, и ничего с этим не поделаешь.

С младых ногтей шумные сборища не жаловал, а теперь и вовсе считал их крайне пустым занятием. В одиночестве казалось лучше, вольготней и спокойнее. Для выпивки и рассуждений о смысле жизни ему давно не нужны были собутыльники и собеседники. Чтобы посетить предстоящую сходку тех, кто решил за одним столом впасть в трепетное состояние носталь-

гии по навсегда ушедшему беззаботному времени, ему, безусловно предстояло переступить через себя. Ничего, осилит, превозмогёт. Вот еще какая пренеприятная мыслишка пришла на ум... Ляхов прямо сказал, что ресторан принадлежит одному из одноклассников или одноклассниц... Забыл уже! Да и не в том суть. Наверняка кто-то еще из великовозрастных дядей и тетей, в детстве считавших кроссовки и джинсы верхом благосостояния, преуспел по жизни и машины, выпускаемые в столице Баварии, считает удобным и даже необходимым средством передвижения, а не показателем собственной крутизны. Кем он будет выглядеть на их фоне? Неудачником, лохом, лузером, не сумевшим ничегошеньки добиться в жизни, столько возможности давшим смелым, хватким, предприимчивым да нахальным. А черта вам лысого! Чем он хуже их? Ну, солидного банковского счета не нажил, лавровым венком не увенчан, торчит всё в той же квартире, а не в престижном пентхаусе или коттеджном поселке, на джипе не разъезжает, на Багамах никогда не отдыхал. И что с того? Он живет в свое удовольствие, между прочим. У него есть всё, что ему нужно. Не испытывает ненависти к будильнику (вообще его не имеет!), не сидит в офисе от зари до зари в ожидании пятницы, когда можно-таки расслабиться, чтобы потом два дня приходиться в себя, и в понедельник – снова в бой, покой нам только снится. Пятницу он может себе устроить в любой день недели и продлить ее на любой срок. Да, машины (хоть люксовой, хоть уровня металлолома) у него нет. Да и желания ее приобрести никакого. А оно ему надо? Все магазины под боком, такси – только телефон в руки возьми. Расслабон под пальмами? Ему и дома отлично отдыхается. Однако ему удалось то, что выпадает далеко не всем толстосумам и не всем везунчикам по жизни: он осуществил свою детскую мечту. Мечтал стать писателем и стал им. Кормит ли его любимое занятие? Да, представьте себе, кормит (о сдаче квартиры в наём упоминать не стоит). Черную икру ложками не ест, конечно, но с голоду не умирает точно. В Союзе писателей не состоит, это верно. Так ведь и не стремился туда никогда. Достоевский тоже никогда не был членом этой организации, как резонно заметил Коровьев, но сей факт не мешает оставаться ему великим в веках. Да и сам Булгаков не дожил до издания своего главного романа. Старина Хэм говаривал: писатель должен писать. Так именно этим он и занимается, не растрачиваясь на литературные тусовки и встречи с читателями. В толстых журналах печатается регулярно, а теперь вот ещё и кино. Нет, дорогие однокласснички, мне есть что предъявить вам без ложной гордости, чтобы вы потом говорили друзьям и знакомым: а вот я в одном классе учился (училась) с писателем, скоро фильм по его рассказу выйдет. Не плохая реклама, между прочим.

Смотреться в зеркало надоело, он вышел из ванной и сразу направился на кухню. Краткосрочное реанимационное действие бутылки пива заканчивалось, и нужно было что-то предпринимать для дальнейшего спасения организма. Пива в холодильнике больше не оказалось, но кухонный стол порадовал бутылкой Red Label ноль-седьмого калибра, заполненной на треть. Надо же, не осилил вчера... Но это и к лучшему – не нужно в магазин переться. Большой глоток прямо из горлышка приятно воспламенил внутренности, влил в мозг солидную порцию оптимизма, придал миру веселых красок. Надо к встрече смотрибельную форму набрать. Сегодня еще чуть-чуть – и в завязку. Прогулки на свежем воздухе, кефир, мюсли и гантели. По крайней мере, можно вернуть здоровый цвет лица и убрать мешки под глазами.

...Желание стать писателем приобрело постоянную прописку в его мыслях и душе в пятом классе. Именно тогда он сделал первый шаг в нужном направлении. Взял перьевую ручку (не банальную же шариковую использовать для столь важного дела) толстую тетрадь в клетку (в линейку тетради с таким листажом просто не нашлось) и на первой странице начертил большими печатными буквами: «Прилёт пришельцев. Том первый».

К тому времени он прослезился над смертью мушкетеров, наскочил на прерии вместе с благородным мустангером, блуждал в океанских глубинах с капитаном Немо, путешествовал на уэллсовской машине времени, участвовал в рыцарских турнирах вместе с Айвенго, искал сокровища старины Флинта, а также осуществил веселое и опасное путешествие в далекий

космос с пятеркой подростков, неосмотрительно угнавших звездолёт. Всех приключенческих и фантастических книг из библиотеки собственной, лёхиной, а также из библиотеки Дворца Культуры ЗиЛ прочитано уже было немало. В каждой из них он присутствовал наблюдателем, не способным вмешиваться в события, но видящим, слышащим, чувствующим абсолютно всё описываемое в произведениях. Исчезали буквы, слова, строчки, знаки препинания. Он словно и не читал вовсе, а смотрел в волшебное окно, за которым все и происходило. А вот большинство книг, необходимых к прочтению для школьной программы, не вызывали у него и сотой доли таких ощущений. Казались неинтересными, порой и вовсе скучными. Прочитывал их поскорее, скоренько пробегая по страницам, чтобы отложить в сторону и вновь вернуться к любимым героям. Разумеется, мощная литературная подкачка не могла не дать результата, она требовала выхода, буквально тащила за письменный стол, чтобы самому написать нечто такое, отчего книголюбы сойдут с ума, начнут выстраиваться в очереди у книжных магазинов, станут томиться в ожидании, пока им достанется зачитанный до дыр библиотечный экземпляр.

Устно сочинять он начал несколько раньше, после того как буквально проглотил «Приключения Петьки Промокашкина». Книга читалась легко и захватывала с первых страниц. В ней добрый, немного раздолбайстый двенадцатилетний ученик средней школы, нередко хва-тавший «двойки» за невыученные уроки, в сопровождении своего лучшего друга по прозвищу Кочан постоянно попадал в смешные, удивительные, нелепые, а порой и совершенно фантастические истории. К примеру, тайным образом попав в один научно-исследовательский институт, друзья забрались в машину времени, не прошедшую окончательных испытаний, и принялись давить на все кнопки подряд и щелкать тумблерами. Конечно же сорванцы оказались в опасном месте, а именно в деревне, занятой белогвардейцами. События там стали разворачиваться так, что шалопаям грозила полная крышка. Однако ученые вовремя заметили пропажу своего детища и вернули отважных путешественников с помощью центрального пульта управления. Продолжения у столь популярной и интересной книги, как ни странно, не было. Будущий писатель решил самостоятельно устранить столь очевидную и вопиющую несправедливость. Он стал сам выдумывать и рассказывать истории про Промокашкина и его друга. Чаще всего это был экспромт и сюжет менялся по ходу изложения. Первым слушателем, естественно, оказался Лёха. Внимательно выслушав первую порцию сочинялок, он восхитился и спросил:

– Ты где эту книгу взял? Почему раньше на похвастался? Дай почитать!

Похвала еле-еле разлилась по душе, но и смутила, поставив в тупик. Врать другу казалось делом постыдным, а сказать правду и вовсе невозможным: не поверит или расхохочется. Первое оказалось сделать легче, и он начал юлить, на ходу придумывая правдоподобную небылицу:

– По радио слышал... Читали, прямо по ролям. Сказали, продолжение...

– Как программа называется? – доискивался истины дружок.

Да откуда ему знать?! Пока обедал, радио включил на кухне, а передача уже идет.

Истина, как ей и положено, вскоре всплыла. Лёха обратился с претензией к родителям: как так? Вышло продолжение его любимой книги, а вы ни сном, ни духом. Хоть из-под земли, а достаньте мне. Не нужно подарков на Новый год и День рождения – только эта книга. Она такая интересная – закачаешься! Мне дружок отрывки рассказывал. Отец по своим связям обещал отыскать свежее издание. Вот тут и выяснилось, что никакого продолжения в природе не существует. И вообще, писатель Ухов давно отошёл от детской литературы и валял вещи серьёзные, прославляющие строительные, производственные и сельскохозяйственные подвиги советского народа. Лёха, мягко говоря, обалдел. Он никак не подозревал в Сырнике таких способностей к фантазии и гладкому изложению придуманного. Но совершенно не обиделся на враньё друга.

– А чего сразу-то не сказал? Застеснялся? – на перемене в школе они стояли у окна, и за гулом разновозрастной ребятни, выплёскивающей энергию перед очередным сорокапятиминутным сидением, их разговора никто не слышал. За окном плясали снежинки, и бородатый

дворник дядя Федя, опустив у кроличьей шапки уши, усердно скрёб внутренний школьный двор.

– Если честно, то да. Думал, не поверишь, что я сам...

– Ну и дурак! Такими способностями пользоваться надо!

– Думаешь?

– А то! Валяй, придумывай дальше. Ещё кому-нибудь расскажи. Станешь всеобщим любимчиком. Промокашкина все читали и все любят.

– Только... – он умоляюще посмотрел на Ляхова. – Ты никому не говори, что я... Ну, что это моё...

– Землю есть не надо? Не скажу, не бойсь. Только ты зря это. Они Уховым будут восхищаться, а не тобой. Балда ты, Сырник!

Воспользоваться лёхиным советом он так и не решился.

«Прилет пришельцев» застопорился примерно на половине тетради. Детство, что подделалось... Есть дела поважней и поинтересней, чем сочинение романов. Времени впереди сколько угодно, еще успеется. Однако в самом конце седьмого учебного года ему довелось впервые испытать творческий успех. Крохотный, конечно, и многим неприметный, но все равно приятно щекочущий душу. Учительница литературы, полная и добрая Валентина Михайловна, постоянно поправлявшая очки, берясь указательным и большим пальцами за оправу правой линзы (хотя они никуда не слезали), задала на дом сочинение на тему «Мой любимый литературный герой» и любезно разрешила выйти за рамки школьной программы. Полная свобода в описании: хоть Мцыри, хоть Морис Джеральд. Не страшно, если одного и того же героя выберут сразу несколько человек. Главное, написать по-своему, изложить собственные мысли своими же словами, а не фразами из хрестоматии. Цитаты из произведений допускаются, но в разумном количестве. Срок три дня. Объявила условия и удалилась куда-то на пятнадцать минут. Класс зашушукался. Два-три пацана оказались в ступоре, так как ничего не читали в принципе; кто-то решил не отступать от канонов или просто сугодничать и доказательно убедить учительницу в любви к Дубровскому или Маше Мироновой; некоторые, не до конца уверовав в вольницу, полагали обратиться к списку внеклассного чтения. Они же с Лёхой решили всю воспользоваться предоставленным карт-бланшем и взяться за «Трёх мушкетеров».

Однако тут не обошлось без спора. Оба хотели воспеть в своих строках Д`Артаньяна и только его. Кого же еще-то, в конце концов?! Так можно же вдвоем над одним работать! Добро же получено. Но Лёха встал на дыбы. Ты, мол, сочиняешь лучше меня, и твой гасконец выйдет куда привлекательней. Такой аргумент грел душу, но вопроса не решал. Разыграли на «камень-ножницы-бумага». Удача улыбнулась Лёхе и тот, окрыленный, умчался домой, подбодрив его напоследок:

– Не хнычь! Ты же будущий писатель! Ты и Атоса, и Портоса запросто осилишь. Воспоёшь как надо!

Конечно опишет, он и не сомневался. В конце концов, там вся четверка – шикарные образы. И не только они. Но хотел-то он именно отчаянного, хитрого, храброго и удачливого Д`Артаньяна.

Посидел-посидел за письменным столом, тупо глядя в чистые тетрадные листы, и вдруг осенило: да и ладно! Раз такое дело, он и вовсе обойдется без мушкетеров. Мрачный Эдмон Дантес ничуть не хуже развеселого искателя опасных приключений. Вряд ли кто-то еще из класса решится писать о главном герое «Графа Монте-Кристо». Лёха, тут и к бабке ходить не нужно, может воспротивиться его выбору, ведь договаривались-то о другом. Но до поры, до времени его можно не информировать о своем решении. Да и дорогу он ему не перейдет. Так что, всё нормально.

Удивлялся как легко рождались слова, как ловко они складывались в предложения, как абзацы логично и правильно выстраивались один за другим. Цитату из книги взял только

одну, описывающую внешность невинно осужденного после долгих лет заточения в зловещем замке Иф. Лёха, на удивление, ни разу не поинтересовался, кого он выбрал вместо скуластого уроженца солнечной Гаскони.

Валентина Михайловна объявляла результаты проверки сочинений как всегда бархатным и ровным голосом. Сразу успокоила всех, что неудовлетворительных оценок не ставила. Хотя некоторым и стоило бы. Комментарии делала редко, в исключительных случаях. Поставив «удовлетворительно» одному оболтусу, поправила очки и, не меняя тона, произнесла:

– Вообще-то, это «тройка» с двумя жирными минусами. Куча ошибок, текст выстроен безграмотно. Но я рада, что хоть один книжный герой тебе известен. Правда, должна уточнить, Антон, одну немаловажную деталь. Павка Корчагин тяжелую травму получил не вовремя Сталинградской битвы. Он умер значительно раньше, и в ней участвовать не мог.

Вышеозначенный Антон не понял дружного хохота одноклассников, но неожиданному «тройбану» несказанно обрадовался. Следующего комментария удостоилась лучшая ученица класса, постоянная отличница, редкие, как капли дождя в пустыне Атакама, «четверки» встречавшая слезами и нервным стрессом.

– У тебя, Ирочка, все отлично. Как всегда, – вновь касание очков. – Однако я надеялась, что ты расскажешь нам не про Гринёва, а выберешь какой-нибудь другой, не всем известный персонаж. На будущее учти. Но всё рано, безусловная «пятерка».

Ляхов получил «хорошо» и недовольно поморщился. В его понимании сам выбор заслуживал исключительно высшего бала.

Услышав свою фамилию и оценку «пять», возликовал! Хорошие оценки за сочинения он получал регулярно, а вот отлично довольно редко. Оказалось, что писать без диктанта темы ему приятней и проще, а главное – результат на лицо.

Лёха пожал другу руку, поздравил искренне и спросил:

– Ты про кого писал-то?

Ответить не успел. Валентина Михайловна закончила вынесение приговора, окинула всех медленным взором добрых и чуть печальных, как у старой собаки, глаз, привычно подвинула очки вверх и произнесла, добавив голосу толику ноток торжественности:

– А сейчас, ребята, я хочу вам прочитать выдержки из одной очень понравившейся мне работы.

Такое случалось впервые. Бывало, конечно, она хвалила некоторые сочинения. Особенно той самой Иры, но чтобы зачитывать из них куски... Такого еще не случалось.

Учительница встала из-за стола, раскрыла одну из тетрадей, провела ритуал с очками и, прохаживаясь перед классом, принялась читать.

Сначала не поверил услышанному, а потом в душе затанцевали эльфы. Она читала его сочинение! Не монотонно, а с выражением, как обычно цитировала классу знаменитых писателей.

Закрыв тетрадь, она смотрела уже только на него.

– Молодец, Никита! Живо, увлекательно, толково, цитата к месту. Чувствуется, что персонаж, о котором ты пишешь, тебе полностью понятен, ты ему симпатизируешь, буквально влезает в его шкуру. Еще раз – молодец! Остальным всем советую прочесть роман «Граф Монте-Кристо». Не пожалеете.

Вернувшись за стол, добавила:

– После урока, Сырцов, останься, пожалуйста. Надолго я не задержу.

Класс сидел притихший, а Лёха смотрел на друга вытаращенными глазами, показывая два кулака с оттопыренными вверх большими пальцами.

Урок литературы стоял сегодня последним в школьном расписании, и после звонка одноклассники быстро разбежались по своим делам. Он переместился за первую парту, сев прямо напротив Валентины Михайловны. Внутри играли фанфары и звонкоголосые хоры пели

ему дифирамбы. Сейчас скупая на похвалу учительница хлопает в ладоши и начнет восторгаться его несомненным писательским даром.

– Оказывается, у тебя есть способности к сочинительству, – начала она. Как ни странно, от восхищения она не заикалась, а говорила как всегда спокойно, даже с пониженным градусом эмоциональности. – Так всё замечательно изложил: легко, непринуждённо, интересно, почти без ошибок. Приятно читать, честное слово. Не ожидала, не ожидала. Отсюда вопрос: почему раньше, в других сочинениях ты так себя не проявлял? За сочинение по «Капитанской дочке», к примеру, я хотела поставить тебе «тройку». Едва удержалась. Сухо, заштамповано, как из-под палки. Словно вымучивал каждое предложение. Читаешь и думаешь: да когда-же эта тягомотина закончится?!

Вот тебе раз! Фанфары и хоры разом стихли, а Валентина Михайловна продолжала как ни в чем не бывало:

– Ничуть не сомневаюсь, что про Эдмона Дантеса ты писал сам. Как и всё предыдущее. А если сравнить? Два совершенно разных человека писали! Только, почему-то, одним почерком.

– Но ведь у меня и «пятерки» случались, – решил он вставить слово в свое оправдание. Совершенно не хотелось сегодня выслушивать критику в свой адрес! Не для того остался. – Иногда...

– То-то, что «иногда», – тонкие губы на секундочку замерли в доброй полуулыбке. – Бывало, не спорю. Только я сейчас не об этом. У меня сложилось ощущение, что вся русская классика проходит мимо тебя. Как же так?! Салтыков-Щедрин, Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, наконец, тебя совершенно ничем не цепляют? Совсем тебе не нравятся?

На последних фразах в Валентине Михайловне пробудились эмоции. Она сидела как прилежный ученик, сложив руки на столе перед собой, и в душевном порыве наклонилась вперед, словно так ее слушатель мог лучше впитать смысл сказанного. Ее обширнейшие груди полностью накрыли сложенные руки и холмами вздыбились в донельзя целомудренном вырезе – такую пышность ничто не могло удержать – и мгновенно приковали к себе его взгляд. Он вперился в узкую ложбинку, на правой стороне которой пряталась крохотная, не больше кунжутного семени, тёмно-коричневая родинка в форме дождевой капли. Валентина Михайловна годилась ему в матери. Да и то, если бы она произвела его на свет на излете детородного возраста. Красавицей не слыла, наверное, и в пору девичьего цветения. Фигура – параллелепипед. Но выдающаяся грудь... Стоило ничтожной части ее в обнаженном виде предстать его взору, недавно отравленному «весёлыми» картинками, увиденными в кладовке друга, как воображение мгновенно дорисовало все остальное. Черты широкого добродушного лица учительницы расплылись, как на неудачной фотографии, класс исчез вовсе, и он видел перед собой лишь призывно покачивающиеся непомерно большие дыни, оканчивающиеся крупными коричневыми кнопками. Мозг мгновенно расплавился и сплыл ближе к паху.

Валентина Михайловна кашлянула в кулачок, поспешно откинулась на спинку стула, оставив руки на столе.

– Ну, чего молчишь? – голос перестал быть бархатным. – Я же спросила: тебе не нравятся классики?

Дыни неторопливо колыхнулись на прощанье и растаяли.

– Мне... Мне... – мозг не сразу вернулся на положенное место. – Не интересно, Валентина Михайловна...

– Не интересно?! – очки сейчас съехали на середину носа, и она не спешила прибегнуть к своему излюбленному жесту. – Я не понимаю... Как такое возможно? Ярчайшие образы, гениально выписанные персонажи и отношения между ними тебя не интересуют?

Он вдруг набрался смелости и решил раскрыть карты.

– Нет! Скучно там все как-то. Не увлекает.

Валентина Михайловна онемела. Превратившись в статую возмущённого удивления, она круглыми глазами пыталась прожечь дырку в изрекшем ересь ученике, смотря на него поверх очков.

– Непонятно мне все это, – неосознанно ляпнул он, как оказалось, спасительное дополнение.

– Ах, непонятно?.. – после вздоха облегчения голос вновь приобрел бархатные оттенки. – Это уже ближе к истине. А что ты вообще читаешь? Кроме Дюма.

– Много чего! – ему было чем гордиться. – Жюль Верна, Буссинара, Майн Рида, Джека Лондона, Уэлса. Приключения и фантастику, в основном.

– Хорошо, – отточенным движением очки вернулись на переносицу. – Достойные писатели. Фантастика и приключения замечательные жанры. Ничего не имею против. Их читать не только можно, но и нужно. Но игнорировать классиков... Недопустимо! Сейчас вы только-только прикасаетесь к ним, осваиваете азы понимания их, чтобы позже погрузиться в великие произведения. Ведь дальше пойдёт Толстой, Чехов, Достоевский... Целый космос! Если ты научишься их понимать, они станут твоими учителями на всю жизнь. Но для этого нужно читать и вникать в прочитанное. Читать, а не пробежать страницы, чтобы накатать простенькое сочинение и не схватить «пару». Читать всю книгу, а не выжимку из хрестоматии. Понимаешь, о чем я?

Утвердительно кивнул в ответ. Понимал он все прекрасно, но соглашаться не собирался. Учительница очень внимательно посмотрела на него, прищурив глаза, сделала движения вперед, чтобы наклониться, но тут же приняла прежнее положение.

– Скажи, а ты сам что-нибудь сочиняешь? – спросила вкрадчиво, как мать ребенка, пытаясь выведать сокровенную тайну. – Я никому не скажу. Если не хочешь, не отвечай.

Сердце забилось сладко-сладко и тут же затихло в смущении. Сознаться было немного приятно и сильно стеснительно. Опустил взгляд в парту, попеременно пожал плечами и промямлил:

– Да... Но не всегда... Пытаюсь...

– А вот этого стыдиться как раз и не надо, – сказала она с нажимом. – Стыдиться нужно совсем других вещей.

Подняв голову, он натолкнулся на ее укоризненный взгляд и сразу понял какие такие «другие вещи» она имеет в виду. Почувствовал, как холодеют руки и пальцы ног, а лицо наоборот становится нестерпимо горячим, хоть головой в сугроб ныряй. Жаль, что на улице их давно не осталось. Наверняка и покраснел до кончиков ушей. Валентина Михайловна по-матерински нежно улыбнулась и успокаивающе-назидательно уверила:

– У классиков есть ответы на многие вопросы. В том числе и на такие. Обещаешь их читать? Ну, хотя бы попробовать?

– Обещаю, – попытался вложить в ответ как можно больше уверенности, но сам услышал: вышло не очень.

– Вот и славно. Принеси, пожалуйста, если тебе не трудно, что-нибудь почитать. Собственного сочинения. Очень хочется ознакомиться.

– Но... – просьба учительница ошарашила. О его писанине не знали ни Лёха, ни родители. – Я еще не закончил...

– Ничего страшного. Мне хочется посмотреть твое владение языком, изложение мысли. Понять темы, которые ты затрагиваешь в своем произведении. Для этого достаточно и фрагмента. Конечно, последнее сочинение чуть раскрыло твой потенциал. Хотелось бы усилить впечатление. Что-нибудь фантастическое сочиняешь?

– Да.

– Вот и славно! Давно не читала фантастики. Между прочим, в этом жанре пробовали свои силы Чехов, Грин и даже Пушкин.

Что это такое она сейчас заявила? Уж не шуткуете ли вы, уважаемая Валентина Михайловна?

– Удивлён? – она удовлетворилась его вытянутым лицом. – Еще один повод обратиться к столпам литературы, не правда ли? Так принесёшь мне рукопись?

– П-принесу.

На следующий день он улучил момент на перемене, когда Валентина Михайловна осталась в классе одна, забежал, суетно положил толстую тетрадь на стол и со скоростью нашкодившего пацана ретировался. Это было в пятницу, а в понедельник она опять попросила его остаться после уроков. Шел в класс литературы с трепетом, с непередаваемым, ранее неведомым чувством. По сути дела, он сейчас услышит свой первый в жизни читательский отклик, получит оценку своему первому творению (устное творчество не в счет, он на собственном опыте убедился, что молоть языком и излагать тоже самое на бумаге – две существенные разницы). И первый читатель не абы кто, а учительница русского языка и литературы. Профессиональный критик и редактор, можно сказать. Интересно, кто-нибудь из обожаемых ею классиков в детстве имел подобного рецензента?

Они вновь сидели друг напротив друга. Светлая, непрозрачная блуза на ней доходила до середины шеи. Валентина Михайловна вернула заветную тетрадь, дождалась, не без улыбки, пока он поспешно запихивал её в спортивную сумку, и огласила вердикт:

– Скажу честно, восхищения не вызывает. И это нормально. Проба пера, тем более в таком возрасте, крайне редко заслуживает похвалы. К тому же, и роман не закончен. Кстати, зря сразу взялся за столь крупный объем. Лучше начать с небольшого рассказа. Но писательские задатки у тебя есть. Несомненно! Стиль, язык, словарный запас неплохи, но пребывают в зачаточном состоянии. Их нужно развивать. Учиться, учиться и учиться! Очень полезный лозунг, между прочим. В твоём случае это означает: писать, писать и еще раз писать. Музыканты ежедневно упражняются на своих инструментах, а писатели садятся за письменные столы. Ежедневно! Запомни это. Ты дневник ведешь?

Валентина Михайловна наклонилась вперед и приняла такую же позу, что и при первой их личной беседе. Только теперь ни миллиметра обнаженного тела ниже шеи не было доступно жадному мальчишескому взгляду.

– Какой дневник? – он действительно не понял вопроса.

– Ну, не тот, разумеется, куда домашнее задание записывают, – она говорила серьезно, если не сказать строго. Такой по-настоящему учительский тон Валентина Михайловна включала только при объяснении самых важных, по ее мнению, вопросов. – Все писатели ведут дневники. Да-да, не сомневайся. Заносят в них свои наблюдения, размышления, события, кажущиеся им достойными внимания, свое отношение к ним. Такое занятие оттачивает перо и позволяет зафиксировать идеи и мысли, которые потом могут быть использованы в произведениях. Очень тебе рекомендую! – в первый раз с начала разговора она поправила очки. Куда пойдешь после школы, не думал еще?

Зернышко желания стать писателем уже укоренилось в нем, набухло и пустило корешки, приготовилось выпустить уверенный росток. Он чувствовал приближающееся решение, но пока не верил в его неизбежность. А потому и озвучивать ничего не хотел.

– Нет пока... – ответил неуверенно, пряча глаза. – Нужно еще в девятый попасть.

– Понятное дело. А перед девятым еще будет восьмой... Писателями не становятся спонтанно. Подталкивать к на эту стезю никого не стоит. Решение сделать литературное творчество своей профессией человек принимает только сам, сообразуясь с велением разума и души. На этот алтарь нужно возложить много-много трудов и жертв, чтобы хоть чего-нибудь достичь. Помни об этом всегда. И подумай насчет дневника. Крепко подумай. Лишним он точно не будет. И еще – устала уже повторять! – читай классиков. Они в писательском деле первые помощники.

Вот доковырялась со своими классиками! Обещал же прочесть. Что-нибудь. Поко- роче, желательнее. Кстати, дражайшая Валентина Михайловна, я лидер класса по пятеркам за выученные стихотворения. По вашей методике, между прочим, запоминаю. Помните, как вы говорили: прочитайте несколько раз с выражением и стихи легко отложатся в памяти. Так и делаю! Кроме меня «Бородино» целиком никто выучить не сумел. Так вот к чему я это все? Стихи-то мы наизусть пересказываем чьи? Пушкина, Лермонтова, Тютчева и т.д., и т.п. А они кто? Классики же, конечно! И Лермонтов мне очень нравится, доложу я вам! Больше Пушкина, если хотите знать. Вот вы «Маскарад» нам не задавали, а я прочел. Так что и великие мне не чужды. Пусть в поэзии, а не в прозе. Какая разница?!

Вести дневник попробовал тем же вечером. Взял тетрадь потолще, вроде той, где засто- порился фантастический роман, всё ту же перьевую ручку, на первой странице аршинными буквами поставил дату и вернулся к обложке. Как озаглавить сей будущий титанический труд? Просто «Дневник»? Не солидно. «Дневник Никиты Сырцова»? Веса не прибавляет. Подумал немного и решительно написал: «Дневник писателя». А почему бы и нет, в конце концов. Слишком амбициозно? Ничего подобного! К тому времени, когда тетрадка распухнет от напи- санных строчек, он им станет. Пусть и неофициально, зато по сути. Затем со всей нахлынув- шей творческой яростью начал скрипеть пером и мозгами. После трех абзацев вдохновение улетучилось, как воздух из проколотой велосипедной шины. Прочитал написанное. Получи- лось нечто вроде констатации распорядка дня (которого, впрочем, у него никогда не существо- вало). Проснулся, сделал зарядку (если потягивание спросонок в кровати можно так назвать), умылся, позавтракал и пошел в школу, где, согласно расписанию, было пять уроков. На пере- менах общался с лучшим другом Лёхой Ляховым и другими одноклассниками. С Варей Стерж- невой договорились в воскресенье сходить в кино. Выбор фильма она соблаговолила предоста- вить ему. После уроков имел беседу с учительницей литературы (о чём говорили раскрывать не стал). Поужинав (мама приготовила очень вкусные голубцы) сел писать дневник.

Всё! Это кому-нибудь могло быть интересно? Очень сомнительно, если не интересно даже автору... Стоп! По словам Валентины Михайловны, писатели пишут в дневниках совсем не то, что он сейчас накалякал. Что она там говорила?.. Мысли... События... Чувства... Вот! О своих чувствах он и поведает всегда терпимой к любой белиберде бумаге. Но это уже завтра, на сегодня хватит.

Сказано – сделано. Следующим вечером он признался дневнику в своей нескончаемой и необъятной любви к Варе. Однако решил увековечить ее в своих записях под псевдони- мом. Вдруг кто-нибудь заглянет в дневник без его ведома? Зачем компрометировать даму? Какое имя избрать для возлюбленной? Разумеется, какое-нибудь возвышенное, романтическое. Долго колебался между Луизой и Дианой, но взгляд упал на толстую книгу, лежащую на столе. «Легенды и мифы древней Греции» Н. А. Куна. Ну конечно же! Тут столько прекрасных богинь, нимф и наяд с потрясающими по красоте и необычности именами, что дух захваты- вает. Часто читал и перечитывал отдельные истории, восторгаясь сюжетом. Далеко не всегда, правда, проникая в истинный смысл сокровищницы античного фольклора. Неожиданно при- шлось помыкаться. Слишком уж богатый предстал перед ним выбор. Наконец, после получа- совых раздумий остановился на имени Артемиды (между прочим, та же самая Диана, только на греческий манер). А что? Олимпийская богиня, красавица, охотница. Вполне подходит для Варвары. По малолетству и незрелости упустил важные нюансы: Артемиды была вечной девственницей, жестоко защищавшей свою половую неприкосновенность. За одно случайное лицезрение смертными ее прекрасного обнаженного тела наказывала с гестаповским звер- ством. Ну и ладно. В будущем понял, что некоторые черты характера грозной богини, пусть и не в столь ярко выраженной форме, Варваре присущи.

После избрания псевдонима Муза соизволила заглянуть к нему на огонёк и три тетрад- ных листа он исписал на одном дыхании, не перечеркнув ни единого предложения или слова.

Закончил обещанием не отдавать свою Артемиду никому. Он женится на ней, как только позволит возраст. Они проживут долгую и счастливую жизнь и отлетят в небеса в один и тот же день. Как Ромео и Джульетта (кстати, нужно будет подробнее прочитать про этих ребят). Муза упорхнула восвояси, он отложил ручку в сторону и прочитал только что сотворенное. Понравилось! Любому тугодуму будет понятно, как прекрасна внешне и духовно его девушка, как безмерны их взаимные чувства, как они подходят друг другу.

И снова – стоп! К нему прилетала явно не та Муза, которой должно отвечать за ведение дневников, а какая-то другая. Тут должна записываться правда и только правда. А у него что? Он разве целовался с ней в губы? Когда это они гуляли по заснеженному лесу и нашли заброшенную избушку, а потом он ее спасал от неожиданно нагрянувших хулиганов? Где та ночная река с русалками, в которой они купались обнаженные при полной луне? Это хорошая фантазмагория, а не достойная дневника запись! Никуда не годится!

В тоже время он понял, что ему, совершенно неожиданно для себя, удалось сочинить первый рассказ. Наверняка не имеющий притязаний хоть на малейшую литературность, но начало положено.

После каждодневных недельных мучений, неизменно заканчивающихся фиаско, на чистой странице, старательно выводя каждую букву, начертал: «Ничего достойного записи не происходит. А писать о всякой ерунде нет смысла. Вернусь к дневнику, как только появится что-нибудь стоящее». Захлопнул тетрадку, закинул ее подальше в нижний ящик письменного стола и облегченно вздохнул.

Собрал всю силу духа и решил наконец приступить к выполнению обещания, данного настырной учительнице. Быть может, действительно, классики научат уму-разуму? Долго стоял перед книжным шкафом, как мальчишка, впервые прыгающий с тарзанки в незнакомую речку. Душа клянчила о прочтении «Туманности Андромеды», совсем недавно появившейся в домашней библиотеке, но он мужественно приказал ей заткнуться и протянул руку к самому верху шкафа, где стояли несколько томов Достоевского. Коль бросаться в омут, так в самый глубокий. Название радовало глаз и казалось привлекательным – «Бесы». Правда, книга увесистая, ну да ничего, впереди летние каникулы – осилим.

– Ого! – отец, сидя в кресле и листавший какой-то профессиональный медицинский журнал, оторвался от чтения, сильно удивившись выбору отпрыска. – Сильное решение. Желаю удачи.

Три вечера подряд он пытался убедить себя, что чтение романа великого писателя вызывает в нем небывалый интерес и доставляет удовольствие. Аутотренинг не принес результатов. При чем тут бесы? О чем вообще идет речь? Да скукотища же смертная! Как можно сравнивать с тем же Дюма?! Когда глотал сагу о друзьях-мушкетерах не мог дожидаться окончания уроков, чтобы вновь вернуться к захватывающей книге. За «Бесы» же каждый раз приходилось браться с не большей охотой, чем за решение математических задач. Ничего ценного для себя в прочитанном он не находил. Осилил не больше четверти... Достоевский отправился на место, а он заподозрил добрейшую Валентину Михайловну в тонком и хитром обмане, призванном сподвигнуть его на прочтение классической литературы. Не выйдет, дорогуша! Зачем вгрызаться в скучнейшие строки, когда существуют тонны интереснейших книг? Нас не проведешь! На сданную макулатуру продают вовсе не Достоевского, Толстого и иже с ними, а творения совсем других авторов.

Учительница русского языка и литературы больше не оставляла его после уроков. За сочинения на свободные темы он неизменно получал пятерки.

...Лаково-чёрный, намытый до блеска и большой, как космический челнок, «Nissan Patrol» с наглухо затонированными стеклами мягко притормозил у подъезда, полностью перегородив ему проход. Он направлялся к себе домой из ближайшего супермаркета, где отоварился литровым «Red Label», парой бутылок «Жигули барное» и простецкой закуской в виде

нарезки сырокопченой колбасы, маринованных огурчиков, хлеба, да излюбленной еды холостяков – пельменей. Мозг забеременел замыслом нового рассказа, нужно все хорошенько обдумать, выстроить первоначальный сюжет. На это уйдет денька два-три. А затем, с просветленной головой, сесть за любимый старенький ноутбук, нередко скрипевший и гревшийся от долгой работы, и ваять. В последние годы он привык работать именно так, и менять привычек не собирался. Неожиданный финал встречи с одноклассниками придал ему творческой энергии.

Обманчивый мартовский ветерок приятно охлаждал непокрытую голову, не разрушая уютного тепла, поддерживаемого цветастой горнолыжной курткой, недавно приобретённой на распродаже в «Спортмастере». Давненько, когда был молод и бодр, изредка выходил на утренние пробежки, упражнялся на турнике, установленном в распорку в дверном проеме и вообще старался не избегать физических нагрузок, пусть и весьма необременительных. Тогда и полюбил спортивный стиль в одежде – удобно и почти всегда к месту, создает иллюзию приобщения к ставшему модному здоровому образу жизни. Теперь его, далеко не каждое утро, хватало только на утреннюю зарядку, заключающуюся в хаотических взмахах руками, скрипучих наклонов (руками пола не мог касаться уже давно) и десятка приседаний. Правда, контрастный душ принимал ежеутренне. Такая процедура неизменно бодрила и протрезвляла. Хотя и ненадолго.

Какого черта эти дебилы здесь встали?! К подъезду не подойти!

Дверь внедорожника мягко открылась, показав кожаную внутренность салона цвета беж, и на непросохший от слякотной весны асфальт ступил молодой человек в лакированных и начищенных, как сапог солдата на параде, ботинках. Обувь, расстегнутое пальто отличного покроя, костюм, галстук и даже коротко стриженные волосы на незнакомце – всё соответствовало черной масти машины. А белоснежная рубашка смотрелась как необходимый аксессуар к избранному строгому стилю. С другой стороны, одеянием он напоминал члена похоронной команды. Мужчине лет пять не хватало до тридцати и вид он имел обаятельный, с ненавязчивым налётом интеллигентности; плечистый, крепкий, уверенный в себе. Бабам такие определенно нравятся.

– Здравствуйте! – мужчина дружелюбно улыбнулся, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов. – Никита Викторович, если не ошибаюсь?

– Да... – подтвердил он удивленно и недовольно одновременно. И тут же укорил себя за правдивый ответ. Нужно было сказать твердое «нет» и идти себе дальше. Дома дела ждут неотложные.

– Меня зовут Альберт. Отчество мне не по годам, да и вам оно не интересно. Нам нужно поговорить.

– В чём дело?! Кто вы такой? – настроение празднично болтать и знакомиться не пойми с кем отсутствовало напрочь.

– Садитесь в машину, я всё объясню. Ну, не на улице же разговоры разговаривать. Соседи в окнах, случайные прохожие... Вопрос у меня деликатный и крайне серьезный. Есть одна проблема, и решить её нужно как можно скорее. Я обязан поговорить с вами любой ценой.

Альберт потёр ладони, словно разминая их, и демонстративно повёл плечами. Ростом молодой человек был чуть ниже его, но в фигуре таилась недюжинная сила, при необходимости готовая проявиться мгновенно, как бросок прячущейся в траве змеи. Чувствовалось, что при желании этот ухоженный красавец закинет в машину далекого от хорошей физической формы писателя без особых осложнений. Да и с компаний он, судя по всему. Соппротивление бесполезно, бежать бессмысленно. Открытой агрессии не проявляет. Почему бы и не поговорить? Любопытно узнать, что от него хочет совершенно незнакомый человек.

– Что вам нужно? – скрипя зубами, он сбавил обороты.

– Прошу! – Альберт угодливо, будто перед VIP-клиентом, распахнул заднюю дверь автомобиля.

Немного помедлив для удовлетворения собственного эго, он устроился на сидении внедорожника и тут же оказался бок о бок с ещё одним молодым человеком. Взглянул на него и едва не разинул рот от удивления. В машине сидел абсолютный клон Альберта.

– День добрый... – пролепетал машинально, не в силах оторвать взгляда от Альберта-два. Тот небрежно кивнул в ответ, улыбнулся не очень приветливо и отвернулся к окну. Альберт-первый ловко уселся на переднее сиденье, и машина плавно тронулась с места. Размерами и одеждой водитель ничем не отличался от своих товарищей, но, судя по лицу, отражавшемуся в зеркале заднего вида, был лет на десять постарше их, абсолютно сед и длинноволос. Прической он походил на оперного певца Хворостовского, а внешностью... Его физиономия не казалась симпатичной. В ней таилось нечто отталкивающее, как у злодея в фильме «Анаконда».

В салоне было комфортно, пахло морской свежестью вперемешку с ароматами дорогого парфюма, и негромко играла музыка. Так негромко, что не разобрать, кто и что именно поёт; что-то современное, ненавязчивое и незапоминающееся.

– Далеко едем?

– Нет, разумеется, – спокойно ответил Альберт. – Зачем у подъезда торчать? Дорожки у вас тут узкие, не разъехаться. На стоянку отъедем. Тут рядом, не беспокойтесь.

Они действительно остановились на бесплатной парковке, организованной у соседнего дома. По причине рабочего дня свободное место нашли практически сразу.

– Выпить за знакомство не предлагаю, – Альберт говорил, не оборачиваясь. – Вы уже и так приобрели все необходимое, а мы вам не компания. А потому, перейдем сразу к делу. Решим вопрос и разойдемся по своим делам. Головин Михаил Степанович. Вам что-нибудь говорит это имя?

– Абсолютно ничего! – ответил, не задумываясь. – Впервые слышу!

– Советую вам напрячь память, Никита Викторович, – Альберт слегка повернул голову влево и смотрел теперь на него в зеркало дальнего вида. Нехороший был у него взгляд, ох, нехороший! – Вспомните свою раннюю молодость, пограничные будни. Заставу в Карельских лесах.

Откуда он про это-то знает? Кто они вообще такие?! Заставу он, конечно, помнил. Такое не забывается! Но на гражданке ни с кем из сослуживцев отношений не поддерживал, и фамилии многих растворились в памяти как сахар в чашечке кофе. Не говоря уже об отчествах. Головин... Не была там никакого Головина, на хрен, Михаила, блин, Степановича. Не бы-ло!

И вдруг как удар током, как шайка ледяной воды сразу после парилки.

– Башка, что ли?! – выпалил внезапную догадку.

Этот самый Башка появился на заставе под конец его службы. Прибыл вместе с еще двумя такими же желторотиками, сразу после учебки. До заветного дембеля оставалось чуть больше месяца. Пора о доме думать, а не забивать голову фамилиями соложат. Новобранец оказался смурным, неразговорчивым, все время старался заныкаться в самый дальний угол. Как тогда говорили, любил прикинуться ветошью и не отсвечивать. При худом телосложении и невысоком росте голову имел большую и лобастую, как у теленка. Вот Башкой и прозвали. Да и фамилия прозвищу соответствовала. Сразу прилипло, и как там его зовут на самом деле уже никто не вспоминал. Но этот паренек, умудрившийся неожиданным фортелем поставить на уши всю заставу, никак не ассоциировался с дорогой машиной и серьезными ребятами в ней сидящими, не смотря на четверть с лишком века, пролетевших с того времени.

– Головин Михаил Степанович, – нажимая на каждое слово, уточнил Альберт. – И только так. Про Башку забудьте.

– Да хоть Папа римский! – он небрежно отмахнулся. – Я-то тут причем?!

– Михаил Степанович сейчас в беде, – проникновенно продолжил Альберт. – Не стану посвящать вас в медицинские подробности. Скажу попросту: он нуждается в пересадке легкого. Большого вам знать не требуется.

– Искренне сочувствую! Хорошо, что одного, а не двух сразу. Я слышал, что и с одним легким люди живут.

В зеркале он пересекся взглядом с глазами Альберта и увидел в них холод и решимость хищника. Страшная догадка шевельнулась у него в сознании. Настолько страшная, что он не поверил ей и отогнал прочь.

– Вы, наверное, ошиблись, молодой человек, – взялся за ручку двери. – Я всего лишь писатель, а не врач-трансплантолог. К тому же я не слишком популярный писатель, а потому небогатый. Следовательно, спонсором служить не могу. Извините, но ничем помочь не могу, и...

Альберт-два цепко схватил его за локоть, а первый продолжил:

– Ваши параметры, так скажем, идеально ему подходят. Вы ведь знаете...

Ноябрьским утром, когда до мёрзлого рассвета оставалась еще пара часов, въевшийся в кровь и мозг омерзительный сигнал тревоги, сопровождаемый дурными выкриками дежурного «Застава в ружьё!!!» вышвырнули из коек блаженно храпящих защитников границы. Собрались быстро и делово и «тревожка», возглавляемая начальником заставы, запрыгнула на борт «ГАЗ-66». Капитан, мужик в меру строгий и в меру юморной, лишь полгода назад заступивший на столь ответственную должность, быстро отцепил первогодков и повелительным жестом включил в группу только опытных бойцов.

– Нормальный дембельский аккорд получится! – невесело улыбнулся капитан, комментируя свое решение.

На скамье в машине рядом с Сырцовым оказался фельдшер – толстый и ленивый, но не злой и щедрый уроженец рязанской глубинки. Вид он сейчас имел заспанный и чрезвычайно недовольный.

– А ты чего здесь? – удивился без пяти минут дембель. Только сейчас он понял, что капитан ни слова не сказал о том, где произошёл прорыв и вообще никакой задачи не поставил. Участка сработки и то не назвал. И кинолога с собакой нет, что вообще уже полный нонсенс.

– Так, итить твою налево! – беззлобно выругался фельдшер. – Солобон этот, Башка безмозглая... Целку всё из себя строил... Застрелился, идиот!

– Как?!

– Да хер его разберешь! Как стреляются, не знаешь?! Автомат к брюху приставил и шмальнул. Я так мыслю.

«ГАЗ-66», прозванный пограничным людом «шишигой», скрипя всеми своими соединениями и громко чихая, выкарабкался с территории заставы и рванул на правый фланг. Снег хотя и лежал сплошняком, ещё не укрыл карельские сопки толстым покрывалом, и машина двигалась свободно, не проваливаясь и не буксуя. Счет шел на секунды, а потому водила жал педаль газа до пола, отчего бойцы, сидящие в крытом дырявом брезентом кузове, подпрыгивали вместе с досками, служащими лавками, держась за шапки и стараясь не выпустить из рук автоматы. Никто не возмущался: такая тряска дело привычное при выезде по тревоге.

На место прибыли минут через семь. Пятеро пограничников немедленно выпрыгивали из кузова, как только «шишига» окончательно остановилась, одновременно заглохнув. Утренняя заря едва зарождалась, слабо подсветив восток, и ночная темень не потеряла силу. Водитель повернул ключ в замке зажигания, чтобы фарами отогнать темноту, но мотор издал лишь невнятный звук, сильно похожий на последний вздох умирающего. Ручные фонари отняли у мрака картину нерадостную: в бурой луже лежит на спине Башка, вцепившись руками в низ камуфляжа, а над ним стоит на коленях старший наряда сержант Коробов – здоровый и простой, как две копейки, архангельский парень. Он робко тряс лежащего за плечи и беспрестанно повторял:

– Башка, ты чо?.. Ох..л чо ли?!

Сырцова поразило, сколько может из человека вылиться крови. Казалось, она растопила снег на добрые полметра вокруг раненного.

– Отойди от него! – скомандовал капитан Коробову и тут же фельдшеру: – Осмотри!

Коробов не тронулся с места. Фельдшер, вечно неповоротливый увалень, действовал шустро, но не суетно. Мгновенно из медицинского саквояжа извлёк пузырёк, обильно смочил ватку и сунул под нос сержанту. Тот вздрогнул, сморщился и зачихал, кулаками стал тереть заслезившиеся глаза, а в недвижимом ледяном воздухе повис нашатырный запах. Через минуту старший наряда мог не связно, но членораздельно говорить.

Из его сбивчивого заиканая, приправленного нецензурными вставками, вытанцовывалось следующее. Шли они, как и полагалось, по правому флангу заставы, внимательно осматривая контрольно-следовую полосу. Благо снежок недавно выпал, и все следы, в основном заячьи, чётко видны. Один раз где-то неподалёку заверещала росомаха, наведя на новобранца ужас. Зверь этот и вправду способен издавать леденящие душу звуки, а морозной ночью их слышно особенно отчетливо и на большом расстоянии. Коробов посмеялся над ним, успокоил, и пошли себе дальше. Они менялись: в одну сторону сержант шёл впереди, обратно – его подчинённый. И вот, когда уже на четвёртую, предпоследнюю, ходку отправились, до этого места дошли...

– Стой! – крикнул Башка. Коробов и предположить не мог, что тот способен издавать столь громкие звуки, он и говорил-то по пять слов за час, всегда тихо, чуть ли не шепотом. Сержант нехотя повернул голову на окрик. Да так полуповернутый и застыл. Рядовой быстро скинул с плеча автомат, передернул затвор и направил ствол себе в живот.

– Ты ох..л?! – единственное, что нашелся спросить старший наряда.

– Нет! – решительно ответил Башка. – Знай: никто не виноват! Просто... Просто... Я жить больше не хочу! Она... Она...

Короткая очередь в лесной тишине гроыхнула с силой громового раската, заставив сержанта пригнуться, словно она предназначалась ему. Башка дернулся, как от удара током, постаял секунду на качающихся ногах, выронил из рук автомат и рухнул на спину, словно спиленное дерево. Коробов бросился к нему, увидел кровавые пузыри на губах и только потом объявил по радиостанции тревогу. Дежурный по заставе, не зафиксировавший сработки линейной сигнализации, попросил уточнить обстановку, и в ответ услышал крик: «Самоубийство, б...ь!!!».

– Он из твоего отделения? – спросил без всякого нажима капитан.

– Да... – сержанта затрясло как в ознобе, слезы, теперь без участия нашатыря, полились в два ручья.

– Когда он письма последний раз получал?

– П-позавчера. П-по-моему...

– По-твоему. Твою бога душу мать! И что, никто ничего не заметил?!

– Нет...

– Ладно, после разберемся.

– Товарищ капитан! – подал голос фельдшер. – Дело дрянь!

– Да ну! А я-то думал, у нас всё окейно. Докладывай уже!

– Я ему обезболивающее вколол, перевязку сделал, но... Крови много потерял, это и так видно. Что там у него внутри – хрен знает! – фельдшер развел руки, красноречиво расписываясь в своей беспомощности. – Операция необходима! В госпиталь его нужно. Срочно!

– Эскулап хренов... Ладно! Грузим его аккуратно в кабину, мужики... Заводись! – махнул водителю. – И вези нежно, как корзину с яйцами.

Стартер «шишиги» отчаянно замолотил, но движок упорно не воспламенялся. Зверски ругаясь, водитель продолжал терзать машину, но та, будто насмехаясь над его потугами, лишь пару раз воспроизвела глушителем непотребные звуки, а потом тихо застонала, возвестив о

севшем аккумуляторе. Водила извлек из-под сиденья «кривой» и попытался оживить мотор вручную. Бесполезно.

– Как никогда вовремя! – сплюнул капитан.

– Может толкнём под горку? – предложил кто-то из бойцов.

– А толку-то?! – начальник заставы зло отмахнулся. – Не факт, что заработает. Только время потеряем. Надо вторую машину вызывать!

– Товарищ капитан! – фельдшер проявлял никогда не виданную раньше активность. – Я думаю, на машине его перевозить никак нельзя. Всё равно трясти будет. Вдруг помрёт.

– И что ты предлагаешь?

– Вертолёт запросить...

– Ага! Он прямо на верхушки елей и приземлится...

Капитан осёкся, задумался на пару секунд, почесал подбородок и со спокойной решимостью постановил:

– Отличная идея! Вертушка на плацу заставы сядет! А раненного на руках понесём.

В кузове «шишиги» отыскался кусок старого брезента, вполне годящийся для импровизированных носилок. На него и погрузили Башку, осторожней, чем сапёр неразорвавшуюся мину, и понесли, медленно, ступая след в след.

Вертолёт доставил бригаду хирургов минут через десять, после того как Башку принесли на заставу. Он был без сознания, с едва дергающимся сердцем, но живой. Самострела решили штопать на месте, организовав операционную в учебном классе. Мало того, что потеря крови была критической, так она у него и редкой группы оказалась, да ещё с отрицательным резусом. Запасов такой кровушки у медиков оказалось маловато. Посылать вертолет за еще одной порцией? Времени ноль! Песочка в часах, запущенных для Башки, оставалось чуть-чуть и их не перевернуть для нового отсчета. Оставалась одна надежда: обратиться к бойцам заставы. Парни здоровые, крепкие, свою группу крови и резус знают. Подходящая кровушка оказалась только у Сырцова. Возражений поделить ей с умирающим он не имел, да его желания никто и не спрашивал.

Операция по извлечению пуль и сшиванию внутренних органов длилась несколько часов. Настырная смерть, подтерев слюни и недовольно ворча убралась в свои мрачные чертоги, оставив на неопределенное время дуралея в покое. Один из хирургов, видимо главный в бригаде, опытный дядька, сильно напоминавший расплывшего Чехова, только без пенсне, перед отлётом решил переговорить с донором и пришел к нему, блаженно лежащему на койке, прямо в кубрик:

– Спасибо, парень, – устало произнес доктор. – Не буду говорить, что болван этот тебе по гроб жизни обязан, банально слишком. Но на его месте, я бы твоё имя и адрес у себя на лбу написал. Вы теперь братья по крови. Случись что... Твоя кровь ему подойдет, как никакая другая. Спасибо еще раз. Командирам твоим я дал указание. Три дня будешь лопать от пуза и спать без просыпа. Набирайся сил! Ладно, прощай. Удачи тебе.

Письмо из дома, окровавленное, но вполне читаемое нашли в левом внутреннем кармане камуфляжа Башки. В нем некая Маша, буквально в нескольких строчках сообщала о своем скором бракосочетании с неким Иваном, который, судя по всему, Башке хорошо знаком. И больше ничего. Дальше сухое «прости» и извечное «сердцу не прикажешь». Служи, дескать, родненький и ни о чем плохом не думай. Девоч свободных в деревне пруд пруди. Вернешься, все твои. Маша и постскриптум в письмецо свое удосужилась тиснуть. Беременная, мол, я, мой бывший друг сердечный. Сам понимаешь, обратного хода нет. Не взыщи уж...

Довольно долго столь неординарный случай занимал в памяти одно из самых почетных мест. Но со временем ощущения притупились, поблекли краски, и произошедшее отодвинулось на дальние задворки, как редко используемый файл, не подлежащий, однако, безвозвратному удалению.

– Вижу, вспомнили, – удовлетворенно продолжил Альберт. – Надеюсь, не стоит уточнять, чье именно легкое нужно Михаилу Степановичу?

Глупый смешок оказался единственной его реакцией на услышанное.

– Мы понимаем, звучит неправдоподобно и дико, но, – Альберт вновь посмотрел в зеркало, нарисовав на лице кривую ухмылку и нагло подмигнул, – ничего не поделаешь. Крепитесь! И молитесь Богу, чтобы ужасная болезнь не затронула второе легкое Михаила Степановича.

Бред! Полное сумасшествие! Идите проспитесь, ребята, и не приставайте больше ко мне с подобным идиотизмом. Никакого легкого Башка не дождется! Я, стало быть, становлюсь глубоким инвалидом, а то и вовсе в могилу ложусь, а он, веселый и розовощекий продолжит по свету разгуливать?! Сам пусть подыхает, сволочь неблагодарная! Дайте только до дома добраться, я всю полицию на ноги подниму.

– Прошло много лет, – Альберт заговорил так, будто все уже решено и осталось только уточнить нюансы. – Вы не молоды уже, за своим здоровьем не следите. Особенно в последние годы. Ваши некоторые параметры могут не соответствовать предстоящей процедуре. Но это дело поправимое. Вот вам визитка одной солидной клиники, – он протянул ее через плечо, не оборачиваясь. – Завтра к десяти часам утра явитесь туда. Без опозданий! Вас встретят, проведут, сделают всё, что необходимо. О цене не задумывайтесь. Все расходы Михаил Степанович берет на себя. Кстати, вознаграждение в конце вас ждет царское, можете не сомневаться. Как получите результаты первичного обследования, мы продолжим наш разговор. Да! Чуть не позабыл... Вы любите порнофильмы?

Что за дурацкий вопрос?! При чём здесь это вообще?

– Впрочем, можете не отвечать. Один такой фильм вам придется посмотреть. В случае вашего неправильного поведения, конечно же. В главные роли будет... Анжела и несколько здоровенных мужиков, – он гнусно хихикнул, вслед за ним такие же мерзкие звуки произвели его компаньоны. – К плохому поведению, в первую очередь, относится афиширование наших с вами взаимоотношений. Не стоит о них сообщать полиции и вообще кому-либо. Стражайше запрещено! Ну, ну... Не бледнейте лицом и не скрипите зубами. Ничего плохого с Анжелой пока не произошло. Живет себе беззаботной, насыщенной и интересной подростковой жизнью. И продолжит так жить. Однако, если вы начнете дурить... Но вы ведь не начнете, верно? Вижу, вы все отлично поняли. В таком случае, хорошего дня и до новой встречи.

Не помнил, как вновь оказался у своего подъезда, как поднялся на третий этаж и как закрыл за собой квартирную дверь. В глазах висела муть, как в запущенном аквариуме, мозги отказывались что-либо соображать, в левой стороне груди жгло и кололось, а пальцы нервно крутили пластиковую карточку с пляшущими размытыми буквами.

...Прозвище Сырник прилепил к нему лучший друг в самом начале учебы. Зачитавшись и увлекшись «Приключениями Петьки Промокашкина» Лёха уподобился главному герою и начал своевольно раздавать кликухи направо и налево, да так и не смог угомониться вплоть до десятого класса. Однако в популярной книге положительные персонажи носили названия веселые или, по крайней мере, не обидные (тот же Качан, к примеру), а нехорошие парни именовались исключительно неблагозвучно (Крыса, Жаба, Глист и тому подобные), то Ляхов «крестил» всех подряд, повинуюсь одному ему ведомой логике и только изредка прозвище напрашивалось само собой и становилось очевидным всем. Как, например, в случае с Верой Марковной, их первой учительницей. На нее посмотришь, и так и хочется запеть: я на солнышке лежу и на солнышко гляжу. Но она молодая, а потому не Черепаха, а Черепашка. А вот Илюха Попов, мальчишка, одаренный природой не по годам мощным телосложением, но напрочь лишенный девчачьего внимания из-за «заячьей губы», да и вообще не претендовавший на симпатичность, к тому же учившийся через пень-колоду, был поименован Железякой.

Попову неожиданно понравилось, и этимологию своего прозвища он выяснять не стал. Своему другу Лёха все же объяснил, почему назвал Илюху именно так.

– У меня рифма вдруг родилась, – шептал Лёха ему на ухо, озираясь по сторонам, дабы Железяка невзначай не услышал, – Попов, Попов – хреновина от часов. А часы-то внутри какие? Правильно, железные. По мозгам он... Чурбан железный! Да еще рожа, как у Квазимодо. В общем, настоящая Железяка! А его, недоумка, вполне устраивает.

Посмотрел на Лёху удивленно. Раздатчик вторых имён сильно рисковал. Попов действительно быстротой ума не отличался, в дневнике у него тройки боролись с двойками, побеждая с минимальным преимуществом, но силищей своей пугал и более старших ребят. Нравом спокойный, улицей воспитанный, он любому мог в лоб захватить, не утруждаясь поиском причин. «Дерусь, потому что дерусь!» – абсолютно его девиз. Не удовлетворись он весьма неоднозначной кличкой... Ляхову пришлось бы туго. Скорее всего, именно прямолинейность мышления Илюхи отвела от Лёхи беду. Свое прозвище громила воспринял буквально. Ведь железяка – это всегда нечто твёрдое и несгибаемое, чем легко можно по тыкве наступать. Бойтесь меня люди и не лезьте на рожон!

В начале восьмого класса к ним пришёл из другой школы Гена Михайлов. Высокий, немного косоглазый и безобидный совершенно, как одуванчик. Ещё на слуху была хоккейная тройка Петров-Харламов-Михайлов и Генка был просто обречён на получение прозвища, так или иначе связанное с хоккеем. Петров? Скучно. Харламов? Звезда русского хоккея закатилось несколько лет назад под Солнечногорском и трогать священное имя Лёха не стал. В то время советские болельщики только-только узнали о заокеанском кудеснике клюшки Уэйне Гретцки. Вскоре, с легкой подачи Ляхова, по имени и фамилии новичка называли только учителя. Парень бредил математикой, поглотившей все его свободное время, и хоккеем не интересовался вовсе, а потому имя восходящей звезды «кленовых листьев» ему ни о чем не говорило. Лёха великодушно и доходчиво объяснил. Генка не обиделся, развеселился даже и вскоре привык к столь непривычному обращению.

– Ты будешь Сырник! – неожиданно заявил Лёха, когда они вместе возвращались из школы.

– Чего это вдруг? – прозвище резануло слух и сразу не понравилось. – Еще котлетой назови.

– Да ты не дуйся, балда. Сейчас объясню, – глаза Ляхова озорно блестели. – Просто же как апельсин. Ты Никита Сырцов. Берём по три первых буквы из имени и фамилии, что получаем?

– Ник... Сыр... Чушь какая-то!

– Вот именно! А если наоборот, получится Сырник. Отличная штука, вкусная и полезная. Обожаю со сгущёнкой или сметаной! Когда к бабуле приезжаю, она всегда меня ими кормит.

Не сразу, но смирился. В первую очередь потому, что его так почти никто и не называл. Только сам Лёха, да и то не всегда. Один человек, правда, так и не удостоился от Лёхи клички. Это была учительница русского языка и литературы Валентина Михайловна. Поинтересовался как-то, почему изобретательный в этом плане дружок не приклеил к ней прозвища. Лёха почесал стриженный почти наголо затылок, наморщил лоб и ответил:

– Не знаю... Она очень хорошая и добрая женщина. Не прилипает к ней ничего. Пусть Валентиной Михайловной и остается.

Нормально?! А остальные, кого он не постеснялся назвать как ему вздумается, и не хорошие, и не добрые что ли? Но спорить, вставать в позу, чтобы это выяснить, не стал.

К самому же Ляхову никакая кличка тоже не приклеилась. Как только не пробовали его наречь: Ляхом, Лешим, Угольком (исходя из цвета глаз), Шпионом (одевался во все заграничное) – ничего не прижилось. Так и остался на всю школьную пору Лёхой. Да и потом не чурался, когда к нему столь запросто обращались.

Второй класс, марафонская дистанция третьей четверти близится к концу; надоевший снег за долгую, страшно морозную зиму, становится обильными веселыми ручьями, освобождает землю, жадно вдыхающую весенние ветра. В пору оживления природы, когда учиться откровенно наскучило и душа рвалась на улицу, друзья откололи чрезвычайно вольный номер. Весьма наказуемый, между прочим. До каникул осталось всего-то восемь учебных дней, а Черепашка никак не уймется: сыпет и сыпет домашними заданиями чрезвычайно громоздкости. И оправдание своей жестокости нашла подходящее: материал прошли большой, нужно закрепить и создать задел для следующей, совсем коротенькой четверти. Спасу никакого от училки нет! Не понимает, бестолковая, что детская душа истосковалась по дворовым шалостям и приключениям. Ведь стужа стояла долгая и настолько лютая, что на новогодних елках отменили уличные представления. Дети шутили: надо же, даже Дед Мороз замерз.

И в один прекрасный день Лёха предложил:

– Давай не будем делать домашку, а? Совсем!

– Как это? – предложение заманчивое, но настораживающее. – А предки? А Черепашка? Вдруг проверит? Тогда «банан» влепит. Времени на исправление не останется.

– Не бойсь! – Лёха азартно засверкал глазами. – Я все продумал. Предкам что хошь наплевисти можно. Например: учиться недолго осталось, всё уже прошли, повторением на уроках успеваем заниматься, потому на дом ничего не задают. Ты заметил, что Черепашка в последнее время тетради только у двоечников и троечников проверяет? А я заметил! У нас же с тобой сплошь «хорошо» и «отлично». Так что, никакого риска нет! До каникул продержимся.

– Нет! – вдруг вспомнил он. – Она сегодня у Ирки Афонькиной тетрадь на проверку брала, а она круглая отличница.

– Это исключение! – гнул свою линию Лёха. – К тому же она не «домашку» у нее проверяла, а задачку, что в классе задала. Дрейфишь, что ли? Не ожидал... Да брось ты! Уверен, мы пацаны везучие. Зато прикинь, сколько времени на чтение хороших книг и на гуляние останется.

Выглядеть трусом не прельщало, и он со скрипом согласился. И началась у двух оборотов вольготная жизнь! После уроков скоренько домой, пообедали кое-как и вприпрыжку на улицу до упаду. Вечером, вкусно поужинав, погружались в мир любимых книг. Родители, не вчера на свет появившиеся, быстро заподозрили неладное, но придуманная Лёхой версия сработала. Странновато, конечно, но не могут же отпрыски столь искусно врать. Не по возрасту им как-то.

Везение насмеялось над ними на четвертый день блаженного лодырничества. Черепашка приближалась к их парте медленно и неотвратимо, словно затянувшаяся расплата. Плавным жестом, продолжая что-то рассказывать классу, она подхватила тетради у обоих. Раскрыла и пролиставала одну, потом другую, замолчала и посмотрела на опеших друзей с укоризненным удивлением. Жирные знаки вопроса в два ряда светились прямо на стеклах очков.

Из непредвиденной беды пришлось выкручиваться экспромтом, и они понесли вразнобой невнятную ахиною про внезапно приехавших дальних родственников, подскочившую температуру, подвернутую ногу и больные зубы. Вопросы в очках померкли. Черепашка недолго посверлила лодырей прищуренным взглядом, неуверенно кивнула и медленно положила тетради на парту. Облегченный синхронный вздох они сдержать не сумели.

– Пронесло! – после уроков Лёха едва не плясал в победном танце. – Теперь до каникул точно можно не дрыгаться. Снаряд два раза в одну воронку не падает!

Довод убедительный и домашнее задание было вновь проигнорировано в полном объеме.

Однако Вера Марковна оказалась способна на иезуитскую хитрость, достойную кардинала Ришелье. На следующий же день, в самом начале первого урока она, стерев с лица все эмоции, потребовала у них тетради вместе с дневниками. Глушеными карасями они подгребли к учительскому столу. Убедившись в чистоте листов, где должна была красоваться выполнен-

ная домашняя работа, она красной ручкой в дневниках выразила жгучее желание встретиться завтра вечером с родителями обоих лоботрясов.

Дамоклов меч просвистел над самыми макушками. Орудие возмездия возвратилось обратно для того, чтобы получше прицелиться, но Лёха воспринял это как учительский промах. Тащить родителей в школу – натуральное самоубийство. Ни в коем случае нельзя сворачивать с избранного пути! Осталось всего-то ничего, продержимся. А каникулы всё спишут, и четвертая четверть начнется с чистого листа. С доводами Ляхова соглашаться не хотелось ни в какую, но тот настаивал на своей правоте, умолял не сдаваться и напирал на крепость дружбы, которая в такие трудные моменты как раз и проверяется. Сдался. И дневник родителям показывать не стал, клятвенно заверив, что сегодня в нем никаких отметок нет. А те, в приступе доверия к сыну и уверовав в его честность, не потребовали сей важный документ к просмотру. Черепашке сразу перед началом уроков сообщили о невозможности визита к ней родителей ввиду исключительной занятости на работе. Вера Марковна кивнула, бегло улыбнувшись: конец квартала, всё понятно. Вновь задышали ровно, не сомневаясь в своей исключительной изворотливости и везучести.

Но на их беду учительница оказалась не только хитрой, но и настырной. Оставив после уроков, она напоила их чаем из термоса, дала бутерброды с докторской колбасой и сыром, а после заставила выполнить всё, что они столь наглým образом проигнорировали, не спеша проверила и выставила оценки (занизив их до «четверок» и «троек» за несвоевременное исполнение). Ближе к вечеру она взяла их под руки и развела по домам. Первая же в их жизни авантюра обернулась полным крахом.

– Сын... – отец разговаривал с ним в его комнате, сидя за письменным столом, в пол-оборота к объекту нотаций, примостившемуся на диване в позе покорности и внимания: сидит прямо, положив руки на колени, голову свесив на грудь. Отцу тогда было под сорок, и он заведовал отделением в онкологической клинике, недавно отстроенной на Каширском шоссе. Серьезный, чуть усталый, с неровной тонзурой посреди темных коротко стриженных волос, он говорил отстраненно, мыслями еще пребывая на работе. Официальное «сын» применялось им только в крайних случаях, для выговоров и нотаций. – Твой поступок некрасив. Это еще мягко сказано. По сути, он граничит с подлостью. Тебе еще в первом классе было говорено: школа твоя работа. На целых десять лет. А выполнять свою работу плохо или вообще не прикасаться к ней – стыдно. Стыдно и глупо. Бывают случаи, когда не можешь, не способен. Это другой вопрос. Но и тут нужно хотя бы попробовать, чтобы уж честно расписаться в своем неумении. А если причиной является исключительно лень, то это бессовестно. Я так считаю. Бессовестно по отношению к маме, ко мне, к себе самому и к учительнице, в конце концов. Понимаю: мальчишеский возраст, хочется погулять, пошалить, побеситься. Это нормально. Но это ни в коем случае не должно мешать главному делу – учебе. Докажи всем и себе в первую очередь, что ты способен и в пацанских приключениях участвовать наравне со всеми и в школе неплохо успевать. Это будет по-мужски. Договорились?

Он кивнул, не поднимая заслезившихся глаз.

– Вот и отлично! Тут вопрос в самодисциплине. Будет с ней порядок и тогда всё остальное наладится. Советую завести распорядок дня. Могу помочь составить. Сильно помогает по жизни. Сначала будет трудно, а потом сам удивишься: и как это я раньше без него обходился?

Отец помолчал недолго, затем хитро прищурился и спросил:

– Кто первым подал идею об отлынивании от домашней повинности? Никому не говори, а мне шепни на ушко.

Как обидно, что нельзя уподобиться черепахе и спрятаться в непроницаемый панцирь! А еще лучше нырнуть в хатку, как бобер, и переждать опасность.

– Оба... Одновременно...

– Ясно, – отец понимающе кивнул. – Представь себе, что я скрою от больного истинную причину недуга. Не буду озвучивать смертельную опасность, а улыбнусь и скажу: у вас обыкновенная простуда, уважаемый пациент. Покашляете, почихаете, нос прокапаете – и все пройдет. Не зная досконально врага, с ним невозможно бороться на равных. Я понятно объясняю?

Чего тут понимать? Полуправда не пройдет, как ни старайся.

– Лёха предложил... – он не узнал своего голоса. Ведь поклялись не выдавать друг друга. Никому-никому. – Но я тут же согласился! Он меня нисколько не уговаривал!

Дверь в комнату резко открылась, впусив яркий свет из прихожей, и мама – маленькая, добрая, родная, нежная, появилась в проеме, картинно сложив руки на высокой груди. Ее грозная поза, долженствующая произвести на него устрашающее впечатление, не возымела должного воздействия. Глаза-то всё равно добрые и их никуда не спрячешь. Возьми она плетку в руки, он все равно почувствовал бы, насколько любим ей, и помилование настанет в независимости от тяжести содеянного.

– Я только что говорила с Алёшиной мамой, – начала мама наигранно грозно. – Она также возмущена! Её сын упорно твердит, что эту пакость вы задумали вдвоём! Одновременно! Так не бывает! Я хочу знать немедленно: кто инициатор?!

Отец, тяжело вздохнув, поднялся из-за стола, потрепал его по волосам и примиренческим тоном постановил:

– Бывает, мать. Ещё как бывает! Не всегда заводит подлежит огласке. Вам, девчонкам, мушкетерского братства не понять. Пошли, чайку попьём. Парню одному побыть нужно.

– Какого чайку?! – встрепенулась мама рассерженной птицей. – Надо же выяснить...

– Пошли-пошли, – отец обнял ее за плечи и мягко выдворил обратно в коридор, закрыв за собой дверь.

На душе было одновременно легко и мрачно. Вроде бы хотелось исчезнуть со всех глаз долой и навсегда, но беда миновала и заслуженной казни не случилось. Ещё долго сидел неподвижно, думая обо всем происшедшем. Очень хотелось в туалет, но не время. Лучше перетерпеть, отсидеться в относительно безопасной норке. Как ни крути, а друга-то он выдал. Пусть и не посторонним людям, а родному отцу, но все-таки. А Лёха не сознался. И на него вину не перекинул.

Родители обоих сорванцов не прибегли к драконовским мерам, но вынесли строгое предупреждение: в следующий раз, случись нечто подобное, придется расплачиваться за все сразу. Забудьте, детки, о презумпции невиновности!

О своем разговоре с отцом он Лёхе ничего не сказал, а тот и не спрашивал о домашних разборках. Посмеялись над собственной дуростью и обрадовались условному наказанию.

А вот распорядок дня он так и не завел. Регламентированная жизнь решительно не для него! Отец сначала настаивал, а потом махнул рукой: когда созреешь, сам вернешься к этому вопросу. Так и не созрел.

...Однажды в субботу, после школы, они решили выпить. По-взрослому, как настоящие серьезные парни, а не цедя несчастный бокал шампанского, выключенный у родителей и выпитый под их же надзором на семейном торжестве. Пора вступать во взрослую жизнь. Как-никак, девятый класс начался. После летней каникулярной разлуки есть о чем пообщаться тет-а-тет. В конце сентября, как по расписанию, в Москву прибыло бабье лето, имея в багаже солидный запас тёплого ветра и безоблачного неба. Столь краткосрочная и неверная пора иной раз будоражит мозг сильнее, чем хулиган-апрель, безжалостно гнобящий последнюю зимнюю хандру. Идею совершить действие, категорически противопоказанное несовершеннолетним комсомольцам, невзначай подбросил Лёха. В школьном туалете, глядя в окно, чья замызганность не справлялась с весёлостью солнечных лучей, он вдруг с мечтательностью заправского пьянчуги выдал:

– Э-эх, погода... Займи, но выпей!

– Я категорически «за»! – поддержал он еще не оформившееся толком предложение, высовывая голову из туалетной кабинки. – У меня пятифан есть, на завтраках сэкономленный. Плюс у родаков на киношку разжиться можно.

– Ни разу, друже, я в тебе не сомневался!

Где совершить обряд вступления в рядовые бесчисленного, разношёрстного, не знающего дисциплины дионисова войска? Дома исключено, да и не романтично вовсе. В каком-нибудь подъезде, как делали в те времена многие выпивохи? Полный моветон! К тому же антисанитария и вполне возможная встреча с милицией, вызванной недовольными жильцами. В своем дворе не лучше, чем дома, а в любом другом опасно: извечные скамеечные бабки хай поднимут или «на хвоста» кто прицепится, а то и вовсе накостылять могут. Ляхов быстро нашел приемлемый выход. Нужно у Таганки сесть на троллейбус и покатить в сторону «Птички», через пятнадцать минут выйти на остановке «Платформа 4-й километр», а там простора для тайных возлияний предостаточно. Там ведь железная дорога курского направления проходит, а с двух сторон её – островками – заросли кустарников и деревьев, иногда переходящие в компактные лесополосы. Площадь зелёного архипелага невелика, но для задуманного дела подходит почти идеально: какая-никакая, а природа и до самых Текстильщиков сплошные промзоны, огороженные заборами. Относительная тишина, уединение, безопасность. Красота! После определения места, где предстояло выпасть из негласного общества трезвенников, встал не менее важный вопрос: что именно и в каком количестве в себя влить. С выбором маялись недолго. Водку отменили сразу, как напиток из-за своей крепости не слишком подходящий для первого настоящего знакомства с алкоголем. Неизвестна реакция юного организма на столь серьезный напиток. Пиво казалось несолидным и невкусным. Вино, быть может? Тогда какое взять: белое, красное, сухое, полусладкое, десертное, крепленое? Вопрос... Да ну его к черту! Портвейн! Вот то, что нужно. Цена не кусачая и градус приемлемый.

Продавщица в винном магазине, толстенная тетка лет пятидесяти с кривой наколкой между большим и указательным пальцем правой руки «Валя», посмотрела на них оценивающе, подмигнула припухшим глазом, криво улыбнулась щербатым ртом, прокуренным голосом каркнула нечто вроде «пора, соколики» и выставила на стол две бутылки «Акстафы». Тем, что покупателям явно нет восемнадцати, ее определено не напрягало. Отсчитывая сдачу пробурчала, будто и не к ним обращаясь:

– В соседний гастроном зайдите. Там свежую «Любительскую» выкинули. На закуску отлично пойдет.

В указанном гастрономе, помимо едва ли не килограммового шмата колбасы, прихватили батон еще теплого хлеба, четыре плавленых сырка «Дружба», немного огурцов и помидоров. Предложил купить большую луковицу, чтобы запах спиртного отбить, но Лёха фыркнул, брезгливо поморщился и тут же продемонстрировал две пачки жевательной резинки «Dabble Mint», недавно привезённой родителями из Копенгагена. Вот, мол, гораздо надёжнее и на вкус неизмеримо приятнее. Красно-белая спортивная сумка с эмблемой популярного футбольного клуба не очень-то тяготила плечо, издавая характерные позвякивания.

Нужную поляну для посиделок нашли не сразу. Привередничали, всё дальше и дальше удаляясь от тихой улицы, где находилась троллейбусная остановка. То слишком близко к железной дороге – в окно проезжающей электрички доплюнуть можно, то грязновато, словно тут побывали горе-туристы, не привыкшие убирать за собой, то... Вот не нравится и всё! Необъяснимо не лежит душа и ничего с этим не поделаешь. Часа в четыре пополудни они вошли во вполне подходящую для лёгкого пикника рощицу. Среди вездесущих, развесистых ясеней здесь пробились и выжили несколько берёз, добавлявших света и частичку загородного колорита. Громыхающие составы проносились метрах в пятидесяти по возвышающейся над деревьями насыпи. Другим своим краем заросли налезали на высокий забор, бетонной плотью охранявший то ли автобазу, то ли завод по производству неизвестно чего. Место регулярно

посещалось любителями употребить на свежем воздухе в стороне от посторонних глаз, о чём говорили сооружённый стол из сдвинутых друг к другу ящиков из-под марокканских апельсинов и толстые поленья вокруг него, служащие стульями. Тут и кострище имелось, слегка поросшее подвядшей травой. Под ногами хрустела щебенка, вперемешку с землей, наштипованной пивными пробками и «бескозырками» из-под водочных бутылок. Реже попадались пластмассовые пробки от дешёвой бормотухи.

Друзья предусмотрительно прихватили газету – без скатерти совсем некультурно – но позабыли стаканы. Досадно, конечно, но Ляхов быстро нашел решение проблемы: пить по паре хороших глотков, не больше. Точно поровну, конечно, не получится, но не до грамма же дележ устраивать. Перочинным ножиком срезали пластмассовую пробку и первым борьбу с зеленым змием путем приёма его внутрь начал Лёха. Мощно выдохнул, присосался к горлышку и махнул два приличных глотка. Поморщился, будто уксуса хлебнул, и схватился за бутерброд с колбасой.

Ему же портвейн не показался столь уж трудным для питья, как всем своим видом демонстрировал Ляхов, скорее слишком приторным, но для порядка тоже скорчил кислую гримасу. Закусили. Посидели. Потрепались. Повторили. Как-то ненавязчиво мир приобрёл весёленькие оттенки. Он и так-то не выглядел мрачно, а теперь и вовсе стал великолепным, полным позитива, без малейшего намёка на наличие проблем, неудач и вообще каких-либо шероховатостей; место, где сидели – натуральный оазис, а все люди (каковых тут и не наблюдалось) сплошь друзья и даже братья.

Меньше, чем за час первая бутылка утратила своё содержимое, а закуска уменьшилась на треть. Есть теперь не хотелось вовсе, а распирало поговорить, поделиться чем-то наболевшим или залежавшимся в душевных тайниках.

– Знаешь... – решил признаться в своем самом сокровенном, как ему тогда казалось, желании и вдруг почувствовал лёгкую непослушность собственного языка, удивился на секунду, но продолжил: – Давно хотел тебе сказать, да все не решался... Я решил... Еще года три назад... Короче! Я хочу стать писателем!

К этому времени начатый им когда-то фантастический роман не продвинулся ни на строчку. Зато родилось несколько рассказов с залихватским, хотя и не стройным сюжетом и совершенно неправдоподобными героями. О их существовании не знал никто, в том числе и Варя. Как и о содержании того давнего разговора с Валентиной Михайловной.

Лёха посмотрел на него взглядом долгим, изучающим, икнул и постановил:

– Зашибись! Чертовски правильное и мудрое решение. Одни плюсы, что тут говорить. На работу ходить не надо, спи сколько хочешь, лови вдохновение. Шикарные гонорары, дача в Переделкино и прочие удовольствия. За-ши-би-сь! Но тут есть малю-юсенький нюанс.

Во время своей кратенькой речи, он резко взмахивал руками, отчего его слегка покачивало вместе с поленом, на котором сидел. Блестящие черные глаза притушила хмельная поволока и смотрели они вроде и на собеседника, и в тоже время куда-то сквозь него.

– Какой нюанс? – он напрягся, боясь услышать от друга ненужную сейчас колкость.

– Объясняю. Дюма, Стивенсон, да хоть Толстой с Достоевским, кто они? Гении! – Лёха многозначительно поднял вверх указательный палец. – А зайди в книжный магазин, сколько там книг стоит, авторов которых ты сроду не слышал. И не только ты! О чём это я... А, вот! Ты на кладбище был?

– Конечно! – опешил он от неожиданности вопроса. – А причём тут...

– Не торопись. Сейчас все поймешь. Там у всех на памятниках две даты и тире между ними. Заметил? А иногда и тире нет – одна пустота. И всё! Миллионы... Нет! Миллиарды людей исчезли навсегда, оставив после себя лишь тире. А кого-то и на тире не хватило. Писатели не исключение. Плохие писатели, я имею в виду.

– Я не хочу быть тире! – он реально обиделся. – С чего ты вообще это взял?!

– Вот! – все тем же пальцем он поводил у самого его носа. – Уже речь не мальчика, но мужа. Я в тебя верю, друг сердечный! Но тут одного хотения мало. Да и таланта бывает недостаточно. Нужно работать, Сырник, работать и ещё раз работать. Начинай прямо сейчас. Ну, не здесь, конечно... Но завтра утром – сразу за стол. Пиши и пиши, не переставая! Сочинять ты умеешь... Нужно выпить по этому поводу!

Откуда он знает, что нужно делать, чтобы стать писателем?! Сам-то пробовал хоть что-нибудь наваять? Больше чем на школьные сочинения и не хватает, а туда же, учить вздумал. Лучше действительно выпить и закрыть тему.

Вторая бутылка охотно предоставила свое забористое содержимое. По очереди занюхали плавленным сыром «Дружба», отщипнув по кусочку.

– А давай курнём! – весело предложил Лёха, расплывшись в пьяной улыбке. – Раз уж употребили. Для достижения гармонии между душой и телом, как мой папаня говорит.

До сих пор они куревом не баловались, в отличие от некоторых одноклассников и даже одноклассниц, но почему бы и не попробовать, раз пошло такое дело.

– Да где взять-то?

– Будь спок! У отца из блока спёр.

Из нагрудного кармана вранглеровской джинсовой куртки Лёха вытащил нераспечатанную пачку «Marlboro». Их дымящим втихаря сверстникам такое курево могло только сниться. Как не попробовать заокеанской отравы? У Ляхова и спички с собой оказались. Сначала просто набирали в рот пахучего дыма, не решаясь, да и не умея, делать затяжки. Лёха решился первым, зашёлся в кашле, но быстро пришёл в себя и, шатаясь как деревце на ветру, стоял с балдёжным видом, наблюдая за другом. А его выворачивало наизнанку от первого же серьезного затяга. Отбежал в сторонку, ближе к железнодорожной насыпи и принялся лихо извергать из себя все только что употребленное, непроизвольно и неудержимо; в голове набирала обороты карусель, грозя швырнуть наземь. Наверху застучала колёсами электричка, и он перестал слышать звуки, издаваемые рвущимся наружу желудком. Лёха стоял с разинутым ртом, не понимая состояния собутельника. Ведь хорошо же! С чего это он харчи метать вздумал?

– Гля, Митяй, какие-то щеглы на нашей поляне вылупились, – грубый, гыкающий голос раздался за их спинами, как только электропоезд стих вдали.

Ещё не начав нормально дышать, он обернулся на голос лишь в пол-оборота. Лёха же исполнил крутой разворот, будто бравый солдат получивший команду «кругом», и едва не упал. Но устоял и невероятным усилием воли заставил себя держать равновесие. Перед друзьями, как двое из ларца, одинаковы с лица, выросли два мужика размерами семь на восемь, восемь на семь и возрастом лет тридцати. Здоровые ручищи, выдающиеся скулы, потёртые куртки из кожзаменителя, широкие брюки – обычные шоферюги или работяги. Появились тут, скорее всего, с огороженной территории под шум проходящего поезда. Наверное, бетонный забор имел потайную брешь. Между ними, взяв обоих под руки, стояла особа женского пола с толстыми, ярко напыженными губищами. Вся такая пышная, в смешных ржавых завитушках на голове и нелепом кумачовом платье чуть ниже широких колен, готовом лопнуть пятой точке.

– А чо, по-моему, клёвые парниш-шки, – голосок у нее оказался тонким, как мышинный писк и никак не вязался с ее габаритами. – Может, с собой в общагу прихватим? Развлечемся.

И засмеялась, широко разинув рот и нарочито задрав голову. Вместо нормального смеха у неё получалось «хик-хик-хик», а грудь при этом мелко дергалась. Мужики поддержали свою спутницу, заржав, как два молодых жеребца.

Совершенно не к месту Лёху прорвало: он тоже захохотал. От души, безудержно, до колик. Согнувшись, держался одной рукой за живот, а другой, как Ленин почти на всех памятниках, твердо указывал в сторону губастой тёлки (столь вульгарное обозначение к ней подходило как нельзя лучше).

– Ой, не могу! – Лёху корежило смехом, но он умудрялся четко выкрикивать слова. Лучше бы молчал. – Ой, держите меня семеро! Чудила какая толстожопая!

Полностью повернувшись и придя в себя, он смотрел на друга как на человека, решившего ни с того, ни с сего повеситься прямо здесь, на первой подходящей березе; уже и веревку примастырил и голову в петлю засунул. Теперь мирное расставание с пролетариями казалось совершенно невозможным! Лёха полностью утратил инстинкт самосохранения! Соперники принадлежали явно к другой весовой категории. В трезвом виде, возможно, – да и то сомнительно! – удалось бы оказать недолгое сопротивление и пасть смертью храбрых. В нынешнем же состоянии и трусливый, хотя и спасительный драп не даст результата – их тут же настигнут и начнут метелить, как боксёрскую грушу на тренировке, а то ещё и ногами, не удосужившись снять ботинки. А обуты они вовсе не в мягкие тапочки. Лёха же, рискуя жизнью, продолжал нести ахиною:

– А рожа, рожа-то!.. Корове губищи накрашили! Ха-ха-ха! А подоить забыли! Такие буфера только и доить...

Какие там буфера? Ничего особенного...

Ляхов и не замечал, что объект его издёвок давно стоит с беззвучно открытым ртом, а добры молодцы мягко освободились от её рук и сделали первые шаги к распоясавшемуся малолетке. А его собутыльник прекрасно все видел и погибать в неравном бою по столь идиотской причине не собирался. Истерично завопил «линяем!», и метнулся в кусты, а затем вверх по насыпи. Бегун по пересечённой местности из него сейчас был неважный, но крохотная фора имелась, к тому же мордобойцев в первую очередь интересовал Лёха. До рельсов добрался беспрепятственно – никто не догнал, не сбил с ног, не схватил за шиворот. Не оглядываясь рванул дальше. Где-то рядом громыхал и гудел поезд. Не удосужился посмотреть, с какой стороны и как далеко находится стремительно приближающаяся опасность. Перемахнул первые рельсы, в один присест миновал поросшую травой разделительную полосу и почти пересёк второй путь, когда нога проскользнула по лужице креозота, вытопившегося под солнышком на одной из недавно уложенных шпал. Совершенно произвольно у него получился длинный нырок вперед. Товарняк с лязгом и свистом, сквозь которые все же прорывались гневные и праведные матюки машиниста, загрохотал над ним, когда он всем телом приземлился на щебёнку и пропахал по ней вниз, вытянув вперед руки. Не чувствуя боли, с низкого старта помчался дальше. Петлял, заплутав в пространстве и времени, по пустырям и проулкам, между бетонными заборами, пока ноги не стали ватными, а лёгкие отказались дышать.

Несколько минут по-рыбьи ловил воздух, пока сердце из горла не отправилось в обратный путь, и только тогда решился осмотреться. Он стоял на пустынной дороге в одну полосу, нуждавшейся в замене асфальта ещё в прошлом десятилетии. Шагов через сто вперёд дорога упиралась в ржавые ворота с надписью: «Открываются внезапно!», сзади она уходила куда-то под гору, а справа и слева всё тот же глухой и безучастный бетон. Вокруг ни души, в ушах звенит тишина. Если кто и гнался за ним, то давно отстал. Сквозь пыль и грязь на ладонях сочится кровь из ссадин, колени ноют, но недавно купленные джинсы выдержали испытание щебнем, хотя и изгваздались. Лица своего он не видел, однако по саднящему носу и подбородку чувствовал имеющиеся на нем повреждения.

«Трус! Трус! Трус!» – больно и отчетливо запульсировало в мозгу. Ведь там из Лёхи сейчас бифштекс с кровью делают, а он... Да что он мог?! Такие два мордоворота... Да хоть что! Зубами в глотку, в рожу по-бабьи ногтями вцепиться!

Год назад, выходя из школьного туалета, он боковым зрением приметил, как слева по коридору несется вприпрыжку пацан в пионерском галстуке. Шкет очкастый из четвёртого или пятого класса, дохляк и вообще не очень приятный типус. И больше на всём этаже никого. Он тут же спрятался обратно, чуть не сбив с ног идущего сзади Лёху. Через несколько секунд пацан поравнялся с туалетной дверью и он ловко выставил ногу. Очкарик летел – пятки выше

затылка, потеряв очки, и спикировал на паркет, едва не врезавшись головой в стену. Как бедолага ничего себе не сломал и вообще собрал кости – большая загадка и невероятное везение. Головокружительный кульбит пионера рассмешил страшно, и пока мальчишка ползал на карачках по полу, скуля что-то себе под нос и роняя слёзы, он ржал, стоя над ним, засунув руки в карманы брюк. Лёха сдержанно улыбнулся и потащил друга за собой:

– Ну ты даешь... Пошли-пошли, времени нет.

Уроки кончились, и они спешили на «Троих надо убрать» с Аллен Деллоном в главной роли.

На следующей неделе он стоял в классе, недалеко от входа, перед самым началом урока по литературе, когда учительница ещё не пришла, а ребята не заняли своих мест за партами. Происходящего вокруг не видел, разговаривая с Варей. Пригласил её вечером прогуляться по набережной. Она согласилась! Но поставила условие: они зайдут в «Иллюзион» и, если в его афише найдётся нечто достойное внимания, обязательно купят билеты. Он сроду туда не заглядывал! Там, как и в «Кинотеатре повторного фильма» крутили старые, в большинстве своем еще черно-белые фильмы. Далась ему эта архаика! Однако вместе с Варей он согласен смотреть любую муть. Душа пустилась в весёлый пляс, как вдруг страшная сила больно вцепилась в волосы и потащила вниз. От неожиданности нападения он мгновенно очутился на полу, а над ним возникла очкастая физиономия, и брызгая слюной из редкозубого рта провякала:

– Теперь мы в расчёте, сука! – и тут же исчезла.

Вскочил в решимости раздавить дерзкого клопа немедленно, но тот словно испарился. К классу по коридору приближалась Валентина Михайловна, и пускаться вдогонку за мелким мстителем оказалось невозможно. Красный от обиды, гнева и унижения он повернулся к Варе, но та уже устраивалась за своей партией, не смотря в его сторону.

Козьявка, никак не способная победить его в открытом бою, нашла способ расквитаться с ним при свидетелях, а он...

«А ты – трус! трус! трус! И подлец, к тому же! Настоящие друзья в беде не бросают!».

Железная дорога дала знать о своем существовании где-то далеко справа. Постояв в нерешительности минут пять, излишне сильно прихрамывая на правую ногу, он поплелся в ее направлении.

Рассказ «Шторм» был им написан за две недели, затем ещё дней десять ушло на доработку и в итоге получилось произведение в два авторских листа. Неизбитый сюжет с минимальным количеством героев, изложенный хорошим языком, пришёлся по вкусу главному редактору журнала «Нереальность», рассказ включили в план и благополучно издали. По его сюжету, в водах Атлантики, омывающих юго-запад Африки, плывёт яхта средних размеров и средней же роскошности. На ней всего два человека: русский богатей шестидесяти лет, в прекрасной физической форме, и его очередная молодая жена, взятая взамен предыдущей, выработавшей срок годности. Наслаждаются супруги медовым месяцем вдали от всех, под мерный плеск лазоревых волн. В перерывах между постельными утехами она читает Кафку на языке оригинала, а он рыбачит. И вот однажды мужчина приметил за кормой странный предмет, по форме похожий на большую торпеду, но покрытую чем-то, сильно напоминающим кожу кита. Охотничий азарт бурлит, как вода в чайнике, и он гарпунит находку из автоматической пушки. И вот тут-то всё и начинается.

Предмет открывается, как раковина моллюска, и почти сразу сгорает бесследно. Это капсула, прилетевшая на землю из глубокого космоса. В далекой галактике придумали отличный способ отказаться от смертной казни, и в тоже время раз и навсегда избавляться от опасных преступников. Запихнули мерзавца в такую вот «одиночку», способную долгие-долгие годы поддерживать в нём жизнь в состоянии полного анабиоза, и зашвырнули в безграничную вселенную. Попадёт в притяжение подходящей для обитания планеты, значит повезло, ну а нет... Его же не казнили, а предоставили шанс начать новую жизнь. Цивилизация, додумавшаяся до столь экзотичного наказания, космос осваивала давно и братьев по разуму нигде не

встречала, а потому риск «подарить» кому-нибудь особь, не знающую жалости и презиравшую нормы морали, считался ничтожным. Однако преступнику улыбнулась коварная удача, и капсула плюхнулась к на третью планету от звезды по имени Солнце, доставив в наш мир жуткую тварь, по сравнению с которой самые кровожадные и изощренные земные маньяки кажутся нерадивыми учениками палача времен Ивана Грозного. Но случилась с возликовавшей было жестокой гадиной непредвиденная метаморфоза: за время странствия по вселенной, длившегося не одну сотню тысяч лет, она потеряла собственное тело – оно полностью атрофировалось, исчезнув как таковое. От некогда грозного и неуловимого преступника остался лишь невидимый бесплотный дух, физически неспособный причинить хоть какой-нибудь вред.

Добросовестные инопланетяне всё-таки предусмотрели возможность выхода своего посланца из бесконечного сна. Именно поэтому капсула и сгорела на глазах молодожёнов без остатка. Но пришелец, точнее то, что от него осталось, успел перепрыгнуть на яхту, где тут же угодил в бортовой компьютер, заперший его в себе надёжней любой тюрьмы. По радиостанции приходит сообщение о надвигающемся нештучном шторме и всем кораблям предписано укрыться в ближайших безопасных гаванях. Мужчина так и намерен поступить, но компьютер, словивший нематериальную сущность межзвёздного скитальца, стал неуправляемым и направил яхту прямо навстречу приближающейся стихии. Кроме того, по пространству судна разлился необъяснимый животный ужас. Супруги стали пугаться любых шорохов и скрипов, боялись ложиться в постель и садиться за стол. Дышать стало страшно! Словно в самом воздухе растворилось нечто, способное убить в любую секунду. Вскоре их накрыло буйство ветра и воды, и в течение двух суток они прощались с жизнью. Когда ураган угомонился, пара не сговариваясь, взявшись за руки, кинулась за борт, не прихватив спасательных кругов, лишь бы покинуть место, где ужас леденит кровь и останавливает сердца. Пусть акулы, пусть смерть в океанских глубинах, но силы терпеть необъяснимый страх иссякли полностью. Бедолаг подобрали проходящее неподалёку рыболовное судно. А брошенная яхта продолжала нестись в сторону Антарктиды, и остановилась, налетев на подводные скалы. От удара компьютер выворотило из бортовой панели и швырнуло на камни. Командир проплывавшей мимо американской подводной лодки заинтересовался бесхозным судном, потерпевшим крушение и направил к нему людей. Они вернулись с найденным компьютером. Открытый финал. Читатели должны сами додумать продолжение истории.

Ему удалось очень достоверно и подробно описать кошмар, захватившей двух людей посреди безбрежного океана, вставшего на дыбы. Он точно воспроизвел их состояние: рванный темп сердец, то готовых выскочить из груди, то замирающих едва ли не на минуту, озноб до холода в кончиках пальцев рук и ног, вытянутые в непрочную ниточку нервы и постоянно нарастающее желание исчезнуть с яхты хоть куда, хоть на дно морское. Никто не мог знать, что всё это писатель вытащил из тёмных уголков подсознания, куда чужим хода нет, куда и сам боялся заглядывать. Помимо прочего хлама, не подлежащего обнародованию, там жил страх, рожденный в тот самый день, проведенный вблизи железнодорожных путей. Его часть автор и выплеснул на страницы лучшего своего рассказа.

Проплутав в лабиринтах заборов и переулков, он подошёл к железной дороге, когда солнце уже впускало на землю сумерки. Правое колено разболелось нештучно, и хромота стала естественной. По-партизански согнувшись, взобрался на насыпь и осторожно, будто удар по голове мог прилететь в любой момент и с любой стороны, посмотрел туда, где так славно начинался сегодняшней вечер, ещё не пришедший к своему концу. И никого там не увидел.

Пьяному море по колено? Всем известна эта избитая фраза. Да поразит бубонная чума тех, кто и правда так считает. У него душа замерла кроликом, увидевшим глаза голодного удава. Пульс зашкаливал и сердце дергалось, как барахливший изношенный мотор. Умирая на каждом шагу, всё-таки спустился вниз. Вот сейчас два бугая выскочат из кустов и начнут его мутузить чем попало – палками, камнями, кастетами. Да им и подручных средств не тре-

буется! Сшибут наземь одним ударом и добьют ногами. Но ничего подобного не происходило, и тела убитого друга он нигде не замечал. Да и следов крови не наблюдалось. Придушили! И сволокли бездыханного подальше в заросли, чтобы не скоро нашли. Недопитую бутылку и остатки закуски с собой прихватили, не побрезговали. Зачем-то сумку на дерево закинули... Капец Лёхе, вне всякого сомнения. Потряс березу за ствол, и сумка плюхнулась к его ногам. Не оставлять же ее здесь, в самом деле. Каждую секунду готовясь к внезапному нападению, он прочесывал близлежащие кусты, хотел было окликнуть друга, но тут же зажал рот ладонью.

Ничего не нашел. Видимость исчезала вместе с уходящим светилом, темнота наступала всё уверенней, и он прекратил поиски. Страх не отпускал всю дорогу до дома. Теперь к нему примешалось и острое опасение за собственную участь. Как объяснить родителям свой потрепанный вид, поцарапанную физиономию и перегар изо рта? Катастрофа! У родного подъезда у него подкосились ноги, и он плюхнулся на лавку. Лёхины родители! Мать, в первую очередь. Она начнет трезвонить и выспрашивать, где находится ее сын. Сказать ей правду? Легче дойти до набережной и прыгнуть с моста. Лихорадочно обдумывал варианты, один за другим заскакивающие в голову, и наконец остановился на единственной, как ему казалось, приемлемой версии. Пошли они в кинотеатр «Рубин» (он находится не так далеко от места их трагически прерванного винопития). Что там смотрели?.. А черт знает, что там сейчас крутят! Не важно! В кино так и не попали. В сквере к ним прицепились четверо... нет – шестеро здоровых парней, явно в «под градусом», спросили закурить, потом поинтересовались, за какую команду ребята болеют и вообще как посмели забрести в чужой район. Пришлось драться. Ввиду очевидного неравенства сил, сопротивление оказалось недолгим. Чтобы не забили до смерти (от пьяных чего угодно можно ожидать) рванули, как зайцы, в разные стороны. Пока шпана решала, кого догонять, удалось получить солидный гандикап. Вот, собственно, и всё. Он благополучно добрался до дома, а где Лёха запропастился, понятия не имеет. Не волнуйтесь, скоро придет. Наверное...

Главное не сбиться и своим родителям рассказать тоже самое, слово в слово.

Рука тряслась, и не с первого раза удалось попасть ключом в замочную скважину. Ну, сейчас начнется... Но дом встретил неожиданной тишиной и темнотой. Повезло! Оставленная на кухне записка объясняла, что родителям нежданно-негаданно перепали билеты на «Таганку» и домой они вернутся поздно. Ужин на плите, разогрей и поешь. Мигом раздевшись и закинув шмотки в стирку, он на полчаса занырнул в ванну. Потом с аппетитом уплел котлеты с картошкой и залез под одеяло. Ждал в напряжении телефонного звонка, мысленно оттачивая детали придуманной истории. Уснул, так и не услышав тревожного дребезжания телефона.

...Они лежали на разложенном диване в костюмах Адама и Евы, соприкасаясь влажными спинами. Необычно жаркий конец мая наполнил комнату недвижимым маревом, не спасали и настезь раскрытые окна, откуда доносились звуки улицы и голубиное воркование. Потные, уставшие больше нервно, чем физически в первые минуты после близости они стеснялись смотреть в глаза друг друга. Он гнал от себя не вовремя накатившую дремоту, и напряженно думал: дальше-то что? Как-то все скомкано получилось, без особого удовольствия. Может, повторить?

Квартиру великодушно предоставил Лёха:

– Держи! – протянул он пару ключей, болтавшихся на одном кольце, когда они празднично шатались по району. – Бабуля в дом отдыха на три недели отчалила, меня обязали цветочки поливать. Вот вы с Варькой и польёте. Заодно наедине побудете. В киношке сейчас ничего путного, да и духотища страшная, а на скамейке в людном парке обжиматься неудобняк. Где живёт бабуля не забыл? Ну что ты смотришь на меня, как комсорг на панка?! Мы скоро на месяц в трудовой лагерь уедем, она в августе, как обычно, на юга улетит. А по осени хаты свободной может не оказаться. Десятый класс впереди, как никак, к выпускным готовиться нужно. Усадят девочку за учебники, на курсы запишут, репетиторов наймут. Да и нам не грех

будет лишний раз в учебники заглянуть, подготовительную литературку поштудировать. Тут не до любви. Действуй, Сырник, пора уже! А то я сподобился, а ты все никак. И неменьжуйся! Всё случится само-собой. Природа подскажет, что, куда и как. К тому же, наглядное пособие ты уже видел.

Варя действительно собиралась поступать в МГУ. Выбор ее казался ему удивительным и парадоксальным. Она избрала факультет вычислительной математики и кибернетики. Туда не все отличники и победители олимпиад отваживались поступать. Однако Варя была непреклонна в своём решении и ни минуты не сомневалась в успехе. Потому-то подготовка и вправду ей предстояла наисерьезнейшая. Да и во всем остальном друг, как всегда, был прав. Укрытые места для бесконечно длинных поцелуев найти всегда можно. В дворовой беседке или в его комнате, к примеру. Тихонько повернул защелку и вроде как обезопасил себя от внезапного появления родителей. На такой вариант, надо сказать, Варя соглашалась редко и с видимой неохотой. Но в подобные моменты галактика прекращала свое существование, сладкий туман обволакивал разум, оставляя одно единственное, но очень острое желание. Безумно хотелось добраться до нежного, маняще пахнущего тела, до самых интимных его мест и покрыть поцелуями каждый сантиметр бархатной кожи. Подсознательно чувствовал: она не против, но никогда не сделает шаг навстречу, предоставляя ему право на атаку. А он стеснялся и робел, не решаясь начать генеральное наступление. Отсутствие опыта и недостаток упорства бесили и его самого, но переступить заветную черту никак не мог.

Как-то раз зимой, в лютый мороз, когда лобызание на улице грозило обморожением, они зашли к нему домой. Отец дежурил в клинике, до прихода с работы матери оставалось как минимум два часа. Времени достаточно чтобы наконец-то стать полноценными любовниками. Напившись горячего чая, перекусив наскоро состряпанными бутербродами, влюбленная парочка вполне естественным образом оказалась в его личной камере. Неожиданно на него сошла мужская смелость. Не прерывая поцелуя, они уселись на диване, издавшем предупредительный полускрип, и он мягко сжал один из прелестных бугорков, натягивавших кофту из ангорской шерсти. Она отстранила ищущую руку, но вяло, без видимого желания к дальнейшему сопротивлению. Вот оно! С аккуратностью неопытного сапера он потянул кофточку наверх; Варя послушно подняла руки...

Звук открываемого замка застал его в момент борьбы с непослушным бюстгальтером. Оба замерли не на мгновение даже, а на сотую долю секунды. Дверь не успела открыться, а Варя уже сидела в кофточке, успев поправить волосы; у него в руках оказалась книга Стругацких. Выхватывая ее с книжной полки, не успел заметить названия, да ещё и держал вверх ногами.

Оказалось, у мамы неожиданно подскочило давление и начальство милостиво отпустило ценного работника домой.

О подобных встречах на территории Вари речи не шло совсем. Год назад ее мама родила двух замечательных мальчишек-двойняшек, приехавшая бабушка помогала по хозяйству, и квартира не пустовала в принципе.

В общем, предложенный Ляховым вариант был единственным и идеальным во всех отношениях. Приняв ключи, сдержанно поблагодарил друга, хотя душа пела аллилуйю. В неотвратимости randevу не было ни малейших сомнений.

– Да! – Лёха нарочито хлопнул себя по лбу. – У бабули хороший мафон есть – «Сонька» двухкассетная. Вот только музыкальная подборка у нее та еще. Она, видишь ли, большая поклонница классики. Фанатка просто! Если не хочешь провести романтический вечер под фуги Баха и прочих вагнеров, да бетховенов записи прихвати с собой. И этих самых не забудь, – он хитро подмигнул.

– Каких еще «этих»?! – не понял сразу.

– Тех, что против детей! – хохотнул Лёха, похлопывая его по плечу. – Штук десять.

– Иди ты! – отмахнулся, довольно улыбаясь, и убрал ключи в карман джинсов.

Варя согласилась не сразу. Снизойшла, безразлично поведя плечами. Ладно, зайдём уж, не дадим цветочкам засохнуть... Ну, можем немного и посидеть. На улице солнце печет неимоверно, в квартире, прохладнее, быть может. Конечно, прохладнее! Не сомневайся, любимая! Второй этаж, окна во двор выходят, старые тополя рядышком шелестят. Сплошная тень! Солнце вообще никогда не заглядывает. Благодарь!

Двухкассетный магнитофон у него тоже имелся. У отца недавно лечился сотрудник МИДа среднего звена и Сырцов-старший сильно помог ему сохранить шансы на карьерный рост, не позволив беспощадному недугу отправить очередную жертву на одно из московских кладбищ. Счастливый мидовский работник подарил спасителю новенький, ещё не распакованный «Panasonic». Аппарат поставили на видное место в большой комнате, рядом с цветным телевизором. Естественно, главным пользователем чудо-техники оказался сын. Перед свиданием, обещавшим блаженство высшей пробы, он собрал на двух девяностоминутных кассетах богатое ассорти: «Альфу» с забойным «Гулякой», «Театром» и «Штормом», лучшее из «Машины времени», хулиганисто-рок-н-рольный «Примус» с Лозой, классику Битлов, душещипательные баллады «Scorpions», ударные хиты AC/DC и Ассерт, взрывное диско от «Ottowan» и «Arabesc», мелодичного Тото Кутуньо, по чуть-чуть отечественных и зарубежных бойцов рок-н-ролла и подцепил ещё пяток песен Высоцкого. Куда же без Владимира Семёновича? Варя тоже не отдавала предпочтение какому-либо музыкальному направлению, а потому можно было надеяться на ее приятие такой музыкальной солянки, составленной из разношерстных ингредиентов. На соответствующее случаю шампанское наскрести не удалось, пришлось купить бутылочку «Салюта». Эта шипучка вполне успешно заменяла благородный напиток и стоила в два раза дешевле. На закуску прихватил полкило конфет «Кавказские» без обертки, продававшиеся вразвес.

В воскресенье, ближе к полудню, они переступили порог квартиры, расположенной на втором этаже кирпичного восьмизэтажного дома, скромно стоявшем в окружении таких же собратьев и разросшихся тополей, устраивающих здесь в положенный срок пуховый шабаш. Брели прогулочным шагом от метро «Текстильщики» минут сорок. Можно, конечно, было воспользоваться троллейбусом и сократить это время до четверти часа, но Варя настояла на променаде. И так, мол, жарыща стоит несусветная, зачем лишний раз в транспорте париться. Судя по всему, она вообще никуда не торопилась и всячески оттягивала наступление решающего момента. А вот он спешил! И еще как. Сердце молотило на предельных оборотах, удивительно как его милая спутница не слышала его ударов. Душа вообще временно покинула тело и нетерпеливо ерзала у дверей заветной квартиры.

Ну вот наконец-то и подъезд. Благо всего три лестничных пролета, и он подрагивающей от адреналина рукой давит кнопку дверного звонка. Столь мудрый конспиративный прием пришел ему в голову по дороге. А вдруг случилось нечто непредвиденное (пожар или землетрясение, превратившее санаторий в руины) и бабуля скоростижно вернулась? После продолжительного трезвона наступила тишина, полная тревожного ожидания. За дверью ничего не происходило: ни голоса, ни шарканья тапочек. На всякий случай, он еще раз позвонил. И снова все тот же радостный результат. Только после этого он вставил ключ в замочную скважину. Из-за волнения и любовного нетерпежа не сразу понял, что замок открывается по часовой стрелке. Наконец дверь впустила влюбленных внутрь, в банную духоту давно непроветриваемого помещения. Две небольшие отдельные комнаты, кухонька невеликого размера; отличная мебель, вряд ли стоявшая в свободной продаже в магазинах, шторы под старину, африканские маски на стенах, обклеенных бордовыми обоями; книжный шкаф, ломящийся от томов различной толщины, как минимум треть из которых на французском языке. Лёхина бабушка многие годы работала переводчиком в Конго, и способности к иностранным языкам передала сыну, а вот внуку талант полиглота достался в несколько разбавленном виде. В школе Ляхов учил английский, факультативно занимался немецким, бабуля вдалбливала в него французский, в

итоге в совершенстве не овладел ни одним, но к твердой пятерке в аттестате приближался уверенно. Удивительное лёхино всезнайство зародилось именно здесь, в бабушкиных пенатах. Частые командировки родителей заставляли отдавать малолетнее чадо на воспитание представительнице старшего поколения (бабушка со стороны матери принимала внука исключительно летом, на даче). От природы любознательный Лёха забрасывал бабулю тысячами вопросов из самых различных сфер жизни. Не старая ещё женщина не хотела мириться с жестоко отбираемым личным временем и пространством и приложила максимум усилий для скорейшего обучения мальчика чтению. Как только тот стал сносно читать, тут же допустила его к детской энциклопедии, а как только подрос, то и к Полной Советской. На память парень не жаловался и впитывал в себя как губка самую разнообразную информацию.

Быстренько распахнул настежь все окна, чтобы хоть немного разбавить застоявшийся воздух, потом достал из стенки, особо не выбирая, невесомые фужеры нежно-розового стекла, фарфоровую конфетницу под Гжель и расставил все на кухне, на круглом столе темного дерева с изогнутыми ножками. Магнитофон стоял в большой комнате, в нише все той же стенки, и провод от него уходил куда-то в мебельные недра. Тащить на кухню, потом обратно... Возиться не хотелось. Он вставил кассету и включил аппарат, сделав звук погромче. Тут же «машинисты» грянули свой незабвенный «Поворот».

– Может охладить немного? – предложила Варя, когда он, с видом бывалого специалиста в этих вопросах, содрал фольгу с горлышка бутылки и принялся откручивать проволоку, страхующую пробку от внезапного взлета. – Жара ужасная.

На ней был цветастый батник из легчайшего шелка, две пуговички которого она расстегнула изначально. Сейчас она расстегнула еще одну.

Замерев, он вперился в начало сказочной ложбинки, пролегшей меж двух восхитительных бугорков. Варя, разумеется, поймала его взгляд, но виду не подала. Чуть нагнулась и плавным движением взяла конфету. Стороны батника сдвинулись друг к другу, скрыв чарующую картину. Она приняла прежнюю позу и – о боже! – его охальному взору предстал краешек полоски, соединяющей две чашки кипельно белого бюстгальтера.

Пробка с громким шипением взвилась из горлышка и мгновенно приговорила лампочку в потолочном светильнике. За ней, как и положено, рвануло содержимое бутылки. Осколки лампочки просыпались ему на волосы, а сладкая струя ударила прямо в грудь. Он попытался ладонью остановить неудержимо стремящийся на волю «Салют», но тот не укротился и фонтаном брызгал во все стороны. Пытаясь хоть как-то остановить взбунтовавшийся напиток, он засунул горло бутылки себе в рот. Игристое вино тут же заполнило весь предоставленный объем и полезло в глотку, нос и частично в уши. Наконец непослушного джинна удалось унять, большую часть употребив внутрь. На стол вернулся сосуд, опустошенный белее чем наполовину. Возникла немая сцена, в продолжении которой Варя смотрела на него как на дурачка, отколовшего совершенно глупую и неуместную шутку.

– Пошли, – приказала она сквозь смех. – Умоешься и рубашку с джинсами замыть надо, а то пятна останутся.

В ванной он впервые оказался перед ней в одних трусах.

Вскоре совершенно естественно и без напряжения они оказались на диване, радушно распахнувшем свои объятия пылким влюбленным; комнату заполняла задушевнейшая «Innomarati» Тото Кутуньо. Увернуть звук он не удосужился за неимением времени, и песня наполнила комнату до краев, став непроходимой стеной между ложем любви и уличными шумами. Много позже он узнал, что название песни с итальянского так и переводится – «Влюбленные». Проглоченный «Салют» приятно шумел в голове, однако он сильно пьянел не от него, а от волшебного запаха её тела, сладкого и манящего, от невероятной нежности её кожи, от её блаженных прикосновений, от приближения чего-то неиспробованного, но обязательно безумно приятного. Норовя срастись телами, они елозили по атласному покрывалу, силясь найти про-

должение и не обращая внимания на жару, делающую их мокрыми и скользкими. Наконец он пробился сквозь дежурное девичье «не надо...» и вошел в горячую благодать.

Ввиду полного отсутствия практики оторваться от земли не удалось. Спеть в унисон не получилось (да и не могло получиться). Вышло только натужно сопящее мычание. В момент неизбежной развязки, которую он не сразу и понял, звучали финальные аккорды «Still Loving You». Интересно, сколько в нашей стране прошло интимных встреч под эту душещипательную балладу Скорпов? Не успев отдышаться, принялся покрывать её поцелуями, но Варя резко оттолкнула его от себя и убежала в ванную. Пока она там занималась своими делами, он вспомнил совет друга о резиновых защитниках, так и оставшихся в кармане джинсов. Посреди пекла его накрыла волна холода. «Нет! – успокаивал сам себя. – С первого раза не залетают! Так не бывает». Но подлый внутренний голос ехидно нашептывал: Ха-ха! Ещё как бывает, мой неосторожный друг. Тебя, между прочим, предупреждали... Грубо и решительно заставил заткнуться невидимого собеседника, крайне редко дающего о себе знать.

Варя вернулась и минут десять они просто лежали, не поворачиваясь друг к другу. Вдруг порнушные фотки из лёхиного чулана бесстыдно поплыли перед мысленным взором, резво отогнав сонную негу. Тут же почувствовал себя способным к продолжению банкета. Развернулся на сто восемьдесят градусов, нежно взял Варю за плечи и привлек к себе. Она не сопротивлялась.

Сквозь забойный ритм «Девочка сегодня в баре» пробилося нечто чужеродное, из другой вселенной, здесь и сейчас никак не ожидаемое. Вскоре посторонний звук был определен сознанием, и парочка застыла в оцепенении. Звонок! Кто-то настойчиво пытался возвестить о своем приходе, раз за разом сокращая временные промежутки между нажатием кнопки. Вскоре незванный гость потерял нетерпение и звонок впал в непрерывное буйство. Варя вывернулась из его боеготовых объятий и нырнула на пол, прихватив гобеленовую подушку с оленьями, отороченную бахромой. Кое-как прикрывшись ей, сидя на голом паркете, она проговорила одними губами:

– Кто это?! – брови вскинуты, огромные аквамарины излучают непонимание, ужас и отчаяние одновременно.

– Понятия не имею!!! – он негодовал и готов был стереть с лица земли любого, кто стоит за входной дверью.

Вряд ли так станет надрываться хозяйка квартиры. У нее свои ключи имеются, внуку она доверила запасные. Но и случайный посетитель не будет проявлять такую настойчивость. Звякнет разок-другой, да и пойдет дальше. По ту сторону двери стоял некто неуёмный, непременно решивший проникнуть в уединенную сказку; к надоевшей механической трели добавился требовательный стук.

С рыцарской решимостью он соскочил с дивана, обогнул оторопевшую партнершу и железной поступью отправился в коридор.

– Подожди! – летел ему в спину требовательно-молящий шопот. – Не открывай!

Призыв не был услышан ввиду повышенных децибел, несущихся из динамиков магнитофона. Хватило ума проявить осторожность и закрыть за собой дверь в комнату.

– Кто там?! – спросил с недовольством хозяина квартиры, занимающегося чрезвычайным делом и никого не приглашавшего в гости.

И тут же получил наглый ответ:

– А ты кто?! – незнакомый низкий как труба женский голос звучал с милицейско-требовательной интонацией.

Стало понятно, что тётка за дверью пришла по адресу. Это уже плохо.

– Внук... – начал сочинять на ходу. – То есть... Друг внука!

– И как ты сюда попал, друг внука?!

– Он мне сам ключи дал...

– Зачем?!

– М-м... Музыку переписать. Тут хорошие композиции есть...

«Чушь! Фигня полная!» – поморщился неудачной выдумке.

– Ага! Я слышу! Давно ли Татьяна Георгиевна такими мелодиями увлеклась?

– Какая ещё Татьяна Георгиевна? – задал он глупейший вопрос.

– Та самая! – гремела тётка. – Бабка друга твоего! А я соседка её! Ну-ка открывай давай!

Гляну, какой ты друг внука. Открывай! А то сейчас милицию вызову.

«Соседка...» – на сердце немного полегчало. Где-то полгода назад они с Лёхой заезжали ненадолго к его бабуле, что-то передать от родителей. А та как раз чаёвничала с соседкой, и пробурчала, скорее для проформы, нежели действительно от обиды:

– Глянь, соседка, какие охломоны выросли! Две минуты бабке уделил и сразу с глаз долой. Кружки чая не выпьет. Одна гулянка на уме!

Та ничего не ответила, окинув друзей оценивающим взглядом и обреченно махнула рукой: у самой, мол, такой же. Не запомнить ее было сложно: колоритная тетка лет пятидесяти-пятидесяти пяти, гренадерского роста, похожая на училку-громовержца. Ученики у таких педагогов вжимаются в стулья, когда те рыщут хищным взглядом в классном журнале в поисках очередной жертвы, чтобы пригвоздить к доске.

Если сейчас в квартиру ломится именно она, то дело быстро утрясется. Убедится, что перед ней действительно лёхин друг и успокоится. Он быстро открыл замок и распахнул дверь. Настежь. На пороге действительно стояла та самая соседка. Она не уступала ему в росте (это при метре восемьдесят пять!), а габаритами превосходила вдвое. Одета она была во что-то светлое ниспадающее до пят и просторное, добавлявшее объем к ее и без того немалым размерам.

– Здравствуйте! – он улыбался так широко и приветливо, как только мог. – Узнали меня?

– Эт-то что ещё такое?! – трубный глас соседки сменился дискантом, а лицо побагровело. – Бордель здесь развели?!

Проследив за взглядом не на шутку разъярившейся тетки, он разинул рот и тут же почувствовал пунцовость собственных щек. Стремясь поскорее разобраться с неведомым гостем, он совершенно позабыл о своей наготе, естественной для любовных игр, но не очень подходящей для разговора с незнакомой женщиной. Захотелось тут же исчезнуть, распавшись на атомы.

– Ж-жарко оч-чень... – брякнул нечленораздельно, прихватив обеими руками корничончик с двумя мелкими каштанами.

С выпученными глазами, пылая гневом, соседка грудью ломанулась вперед, легко отстранив с прохода ничтожное препятствие в виде юного сластолюбца. Деваться было некуда, и он потащился за ней, как на заклятие.

– Бардак! – рычала гренадерша на ходу, и свернула на кухню, первое попавшееся по дороге помещение. – Та-ак! Распиваем, значит. А... Бокала-то два! – она резко повернулась к нему всем телом; в глазах, готовых выскочить из орбит, бушевала гроза. – Тут шалава где-то прячется! Где?! Сейчас я эту потаскуху за косы!

«Толкаю – девочка, вставай, сходи за пивом!» – ныл Лоза из магнитофона, изображая мучающегося похмельем алкаша.

– Разврат и пьянку устроили?! – толстый, как сосиска, палец с острым ногтем уткнулся ему в голую грудь.

Блюстительница нравственности тучей влетела в маленькую комнату, рентгеновским взглядом обшарила каждый закуток, неудовлетворенно пометала молнии и двинулась к большой комнате. Резко толкнула дверь и встала на пороге, приготовившись всей мощью обрушиться на недопустимое безобразие. Он робко выглядывал из-за ее плеча, мысленно прощаясь с жизнью. Сейчас гром-баба узрит голую Варю на полу и разразится жуткий скандал! Или инфаркт её хватит... Лучше бы второе. А ещё лучше – инсульт, чтобы дара речи лишилась.

Но ничего подобного не произошло. Соседка, пыхтя как паровоз, тяжело ступая, вошла внутрь комнаты, порыскала по углам, заглянула под кровать, встав на карачки, затем подошла к окну, отодвинула и без того открытые шторы и уставилась на него, всем видом демонстрируя непонимание вперемешку с разочарованием. Он и сам обалдел: ни Вари, ни одежды, и диван запроважен. Через секунду широкое лицо охотницы за девками безнравственного поведения озарилось плотоядной надеждой и, прошипев «подмывается шлюшка», ринулась в ванную, припечатав его к стене одним движением плеча. Но и там её поиски не дали результата.

– Твоё?! – указующий перст ткнулся в сохнувшие на веревки джинсы.

– Моё! – он сам пребывал в шоке от пропажи Вари, но интуитивно почувствовал, что буря затихает и вскоре сойдет на нет. Это придавало смелости. – Мне можно наконец одеться?!

Не сказав ни слова, соседка покинула ванну и двинула в коридор, к стоящему на журнальном столике телефону.

– Алло! Кто это?! – слышал он её рывканье, натягивая джинсы прямо на голое тело и выглядывая из ванной. – Здравствуй, Алексей! Родители дома? Понятно... Это Галина Сидоровна, соседка твоей бабушки. Иду из магазина, окна настезь, музыка орёт. Звоню. А мне твой дружок открывает. Голый совсем! Так... Так... Так... С голыми яй... Нагишом?! Не понимаю... А вино?! Два фужера! Чего-о... Ладно... Ладно... Я Татьяне Григорьевне всё доложу!

Покрутила телефонную трубку в руке, прожигая его взглядом, потом аккуратно вернула ее на рычаги, помолчала с полминуты и недовольно прогудела:

– Молодёжь, мать их ети... Одно рукоблудство, поди, на уме? Писа-атель... – и ретировалась с чувством выполненного долга.

Закрыв за ураганной Галиной Сидоровной дверь, он ворвался в большую комнату и сразу выключил магнитофон.

– Варя! – позвал осипшим от волнения голосом.

Балконная дверь осторожно приоткрылась и в нее проскользнула Варя. Совершенно одетая, с расправленными волосами и с полным отсутствием мимики на лице и блеска в упоительных глазах. В правом кулаке она держала его трусы. Оказалось, как только он устремился открывать дверь, Варя расправила покрывало на диване, сгребла их шмотки в кучу и выпорхнула на балкон. Оделась уже там и во время обшаривания квартиры бдительной нравоблестительницей сидела на корточках, совершенно успокоившись. Соседке, видимо, и в голову не могло прийти, что развратница способна в голом виде выскочить на балкон, и она оставила это место необследованным.

Он было попытался вернуться к прежним занятиям, но был решительно и жестко отвергнут. Выждав для подстраховки ещё час, они ликвидировали следы своего пребывания, стараясь не производить лишнего шума, и со шпионской осторожностью покинули место своего первого полноценного свидания. Варя отошла только в троллейбусе, начала улыбаться, хоть как-то реагировать на его корявые шутки, а потом прошептала ему прямо в ухо:

– Больше я в эту квартиру ни ногой!

Глядя в два озера фантастического цвета, смотрящие на него открыто и серьезно, понял насколько непоколебимо ее теперешнее решение.

Для возврата Лёхе ключей встретился с ним в своем дворе, на качелях, где они часто встречались едва ли не с первого дня знакомства. По счастью стоял поздний вечер, принесший незначительную передышку от надоевшей жары, и детвора отправилась по домам. Иначе бы малышня сильно удивилась, увидев двух старшеклассников, сидевших рядышком, каждый на своих качелях, один из которых не может удержаться от смеха, скручиваясь чуть ли не в узел, а другой излишне серьезен. Наконец Лёха пришел в себя, отдышался, вытер ладонями заслезившиеся глаза и поведал детали недолгого телефонного общения с Галиной Сидоровной. Ответы соседки были известны, а вот что нес дружок на том конце телефонного провода он узнал только сейчас.

Оказывается Лёха весь день блаженствовал дома. Родители отправились на открытие какой-то выставки, потом предстоял сабантуй по этому поводу и до вечера он наслаждался одиночеством. Так как одна из комнат выходила на противоположную сторону дома, то раскрытые окна создавали приятный сквозняк, не пускавший изнурявшее пекло внутрь приятного оазиса. Полулежа в удобном кресле-качалке Лёха наслаждался перечитыванием «Приключений Ходжи Насреддина». Неожиданный телефонный звонок Галины Сидоровны оторвал его от кульминации момента, когда находчивый и никогда не унывающий узбек справедливо утопил в пруду ростовщика Джафара. Находясь под впечатлением прочитанного, он начал врать увлеченно и искрометно. Да, это именно он дал ключи своему другу Никите, чтобы тот переписал себе несколько музыкальных новинок (у него нет такой аппаратуры), полил цветочки, а заодно помыслил над новым произведением. Он книжки пишет, в Литературный институт поступать готовится, а смена обстановки подталкивает вдохновение. Голый? Так жарко ему стало! А в таком виде к вам вышел, потому что слишком погрузился в свои размышления. Писатели, как и актеры, должны вживаться в своих героев. Чуть-чуть пригубил алкоголя для творческого настроения. Это только на пользу. Почему сразу из двух фужеров? Да кто же их разберет, этих творческих личностей?! У них же тараканы в головах! Кое в чем показания двух раздолбаев совпадали, голой девки найти не удалось, и неистовая противница блуда угомонилась. Трудно сказать, поведала Галина Сидоровна эту историю лёхиной бабуле или нет, но та никаких претензий внуку не предъявляла, словно ничего и не случилось. В том числе, и по поводу разбитой лампочки.

...Варя всегда знала себе цену. Он это понимал уже в те годы, когда и понимать-то такое еще не мог. Скорее – чувствовал. На уровне подсознания, улавливая тонкие намеки интуиции. Правда, само понятие «цена» вряд ли уместно по отношению к Варе. Ценой обладает лишь то, что предлагается, выставлено на продажу. Тут же право выбора всегда оставалось за «товаром», а претендовавший на взаимность счастливчик наивно полагал обратное. В соискателях донести до дома ее портфель она никогда не испытывала недостатка. Мальчишка, благодарно получавший ношу и не догадывался, что ему предоставлена роль носильщика и не более того. Уже через пару дней счастливцев оказывался низвергнут с пьедестала, видя на своем месте другого, исподволь корчившего вчерашнему везунчику ехидные рожи и не подозревавшего, что вскоре они окажутся друзьями по несчастью. То же самое происходило и позже с приглашениями на прогулку, в кино или походом на дискотеку. Никаких намеков на взаимность или симпатию. С её стороны лишь дружеское расположение без гарантий и призрачных шансов на перерастание в нечто большее в обозримом будущем. Державший ее за талию во время медленного танца мог сколь угодно радоваться мнимой победе, а после стоять с разинутым ртом и полным непониманием в отсутствующем взгляде, получив ничем не обоснованный, иногда излишне резкий отказ.

Он все это знал и видел, а потому довольно быстро уяснил: любить ее придется на грани муки, на разрыв сердца, рискуя на каждом следующем шаге сорваться в пропасть. Однако повернуть обратно, отступить от нее уже был не в силах. К тому же научился ловить кайф от положения канатоходца, постоянно балансирующего между таким сладостным «да» и убийственным «нет». Легенда рассказывает о страшной плате, на которую шли древнеримские воины за ночь любви с Клеопатрой. Прекрасно понимал несчастных! Однако класть голову на плаху не имел ни малейшего желания. Зачем? Пусть сказочных ночей будет великое множество, и все они будут по согласию и проходить во взаимном удовольствии.

Одну важную, ключевую вещь он уяснил раньше других претендентов на взятие неприступной крепости. Ухаживания, в том числе и самые оригинальные, вряд ли дадут положительный результат. А если и принесут успех, то лишь кратковременный. Нужно стать этой удивительной девушке по-настоящему интересным, доказать свою необычность. И еще – это, быть может, даже важнее – задышать с ней одним воздухом, нередко наступая на горло собственной

песне, загоняя под лавку свое самолюбие. И он начал действовать. Во время прогулок рассказывал ей истории собственного сочинения (ни одна из них так и не была впоследствии положена на бумагу). Веселые, грустные, иногда страшноватые, но всегда интригующие и с хорошим концом. Процентом на двадцать они состояли из реальных фактов, остальное – вымысел, фантастика. Рассказывал с артистизмом, давая невероятным усилием воли собственную зажатость и напряжение, готовое разорвать его изнутри. Первая же фантазмагория понравилась Варя, и она поинтересовалась: где и от кого он такое слышал, в какой книге прочитал? Потупив взгляд, скрывая ликование, он признался в своем авторстве. Она удивилась, не поверила и потребовала дать честное слово. Ну это он сделал легко и не раздумывая. На следующий день Варя, словно пытаясь проверить его, попросила рассказать еще что-нибудь. Просьба не застала его врасплох, и он выдал за экспромт давно подготовленную байку. И снова оказался на коне.

Однажды случилось то, чего ему удавалось некоторое время избегать. Варя нашлась в афише «Иллюзиона» заинтересовавший ее фильм и пришлось выполнять обещание и тащиться на сеанс. Время года, когда это случилось, как и содержание фильма в памяти не отложились. Название кинокартины сразу не отложилось в памяти. Запомнил только свою беспрерывную борьбу с неумолимой дремотой. Заклюй он тогда носом, его падение в глазах любимой девушки оказалось бы чрезвычайно низким и болезненным, а то и вовсе безвозвратным. Они сидели в самой середине последнего ряда и впереди маячило десятка два голов, не более, и то ближе к экрану. Отличная атмосфера для поцелуев! Но Варя не только не поддержала его поползновений, но и дала им решительный оппор, зашипев как змея и окатив взглядом полным презрения. Не мешай наслаждаться зрелищем, болван! Ничего не оставалось делать, как с умным видом впериться в экран. Но зрелище не интересовало и не трогало сердце, навевая лишь скуку и сон. Искоса поглядывал на Варю и поражался: глаза блестят, на лице отражаются все переживания показываемой истории. Она вся в картине и более благодарного зрителя ему еще видеть не приходилось. Неужели ей действительно нравится эта архаичная черно-белая нудятина? Нет, он не спорил, есть отличные старые фильмы. «В джазе только девушки», к примеру, или «Полосатый рейс». Да много можно вспомнить названий, если хорошо покопаться в памяти. Но это... Впрочем, Варя с удовольствием читала и Льва Толстого с Достоевским. И не только то, что полагалось прочесть по школьной программе.

Наконец-то на экране показались финальные титры, и попытка просмотром прекратилась. Они вышли из кинотеатра и вдоль по набережной отправились к ее дому. Всю дорогу он чувствовал себя шпионом, находящимся на грани провала. А ну как спросит о впечатлениях от просмотра? Соврать, изображая восторг – не проблема. А если поинтересуется чем именно восхитил фильм, название которого сходу и не вспомнить? Вот тут можно конкретно сесть в лужу. Он имен-то главных героев не удосужился запомнить, не говоря уже об остальном. К его счастью, ни одного вопроса на засыпку не последовало. Наоборот, Варя просветила его, как стала поклонницей фильмов, считающихся теперь классикой мирового кинематографа.

Летом прошлого года ее маме через третьи руки достались билеты на Международный московский кинофестиваль, на внеконкурсный показ. И они отправились в кинотеатр «Октябрь». Но вовсе не на Калининский проспект, а к черту на кулички – в Люберцы. Именно там располагался тезка первого стереофонического кинотеатра в стране. Надо отметить, вполне себе презентабельное заведение с хорошим залом, экраном и звуком. В пакете крутили сразу два фильма. Первым шел свежий голливудский боевик «Голубой гром» со стрельбой, динамичным сюжетом и невероятными вертолетными трюками. Два часа аншлаговый зал во все глаза следил за происходящим на экране, иногда сопровождая действие восторженными возгласами: «Умеют же снимать буржуи!». Народ не успел выдохнуть после развязки первого фильма, как тут же пошли начальные титры второго. Им оказалась «Дорога» Феллини. Почему картина великого итальянца, снятая более тридцати лет тому назад, вообще оказалась на кинофестивале, бог весть. Тяжелый неореализм привлек не всех. Через пятнадцать минут

после начала показа зал опустел едва ли не наполовину. Мама тоже поднялась с кресла, не сомневаясь, что дочь последует за ней. Но та и не думала покидать свое место, замороженно глядя на экран. Оставить ее одну в поселке, о котором ходили нехорошие слухи, она не решилась, и осталась досматривать историю про нелегкую судьбу Джельсомины. С тех пор походы в «Иллюзион» для Вари стали праздником. Именно здесь, да и то не часто, можно было увидеть иностранные фильмы, не всегда привлекавшие массового зрителя, но обязательно умные и тонкие. Прекрасное блюдо для эстетов, одним словом.

– «Дорогу» я посмотрела сегодня второй раз, – она улыбалась едва ли не блаженно. – Теперь вместе с тобой. Ты, конечно, его видел раньше... Спасибо за компанию.

Нет, не видел! Не случилось, к сожалению. Страстно хотел, да как-то не вышло.

Теперь он знает, как называется только что просмотренное кино. Хотя... Что-то не срасталось. Он четко запомнил: название состояло из нескольких слов.

– Подожди, – появился повод показать свою заинтересованность. – Но ведь фильм...

– Правильно! – она словно ждала этого недосказанного вопроса и обрадовалась ему. – В советском прокате, а нас тогда еще и на свете не было, он вышел под названием «Они бродили по дорогам». Под ним и сейчас его демонстрируют, как ты видел. А оригинальное название – «Дорога». Ты не знал?

– Нет! – чистая правда. – Спасибо за пояснение. Теперь запомню...

«Крик» и «Затмение» Антониони, «Ночи Кабирии» Феллини, «Священная гора» Ходоровски, «Земляничная поляна» Бергмана, «Схватка в ночи» Франца Ланга. Вот далеко не полный список фильмов, которые ему пришлось посмотреть за время их с Варей отношений. Поначалу шел на сеансы как на Голгофу. Нечто вроде субботника, куда большинство идет из-под палки, но делает вид, что абсолютно добровольно и с искренним энтузиазмом. Выпивал перед трудным походом пару чашек крепчайшего кофе, чтобы избежать конфуза. Всегда внимательно боковым зрением наблюдал за Варей и старался ей подыгрывать. Смеялся в тех моментах, когда смеялась она, напускал на себя серьезность, когда замечал слезинки в ее глазах. Как только не окосел, смотря одним глазом на экран, а другим на Варю! Если бы не всё затмевающая любовь, проклял бы высотку на Котельнической набережной. Один раз подфартило. Подошли к кассам, а там табличка с надписью: «Сегодня кинотеатр закрыт по техническим причинам». Не новость, а песня, мгновенно наполнившая сердце радостью! Едва удержался, чтобы не выдать заплывавшую душу. Сделал кислую мину, вздохнул удрученно и они отправились бродить по сырым осенним улицам.

Лёха, слушая его рассказы об очередной просмотренной нетленке, крутил пальцем у виска и называл его прирожденным подкаблучником и чудачком на букву «м». Терпения у тебя, говаривал он, как у вола. Так и будешь ярмо на себе тащить, пока не сдохнешь. Классиков, видишь ли, ты читать не желаешь. А в кино прешься, как заговоренный. Любовь требует жертв! Это понятно. Но не тех, от которых люди сходят с ума. Он ничего не отвечал на нотации друга. Хотя мог бы сказать, что позови его Варя к себе домой или в любое другое место, для совместного прочтения вслух кусков из «Войны и мира» или «Униженных и оскорбленных», пошел бы не раздумывая. И читал бы, пока ей самой не надоест.

Однако со временем произошла некая метаморфоза, для него никак не ожидаемая. Сперва сам испугался своих ощущений. Постепенно, незаметно для себя, он проникся этими фильмами! Стали более-менее ясны сюжеты и идеи, перестали казаться скучными диалоги, вызывали интерес поступки и судьбы персонажей. Вскоре «Иллюзион» стал обычным кинотеатром, а не пыточной, и в чашках кофе перед сеансом отпала необходимость.

В очередную годовщину Великой Победы, они прогуливались по зеленым аллеям Парка Горького, лопали вкуснейший пломбир в вафельных стаканчиках, смотрели на группы ветеранов – еще крепких пенсионеров, увешанных заслуженными наградами – радовались расщедрившемуся майскому солнцу, ловили кайф от совместного времяпрепровождения и вовсе не

думали о подкрадывающихся выпускных экзаменах, после которых должна начаться другая жизнь, несомненно счастливая. И вот тогда она впервые задала вопрос, ставший него теперь нестрашным:

– Мы столько фильмов вместе пересмотрели в «Иллюзионе»... Тебе правда интересно? – слегка прищурилась, полусъеденный стаканчик держит в руке и смотрит на него так, будто у нее где-то внутри детектор лжи имеется. – Или только для того, чтобы мне угодить?

– Интересно! – ответил легко, ничуть не лукавя. – Сначала не понимал ничего, а потом втянулся как-то. Ну и... Чего там скрывать! И ради тебя тоже.

– А что именно тебе интересно в этих фильмах? Чем они тебя цепляют.

А вот тут конкретного ответа у него не имелось. Можно, конечно, соврать что-нибудь подходящее, но не хотелось сейчас, казалось ненужным.

– Не знаю... – покачал головой и долопывая мороженное. – Не могу сформулировать. Если честно, и не задумывался над этим по-серьезному. Просто получаю удовольствие. Ну, а тебе? Чем они тебе в душу запали?

– Вот именно! – отозвалась быстро и радостно. – Ты попал в самую точку! Западают в душу! Трогают, теребят ее, заставляют размышлять. О любви, о людях, об их судьбах, отношениях и поступках. Эти фильмы не приукрашивают реальность, иногда даже делают ее чересчур мрачной. В них добро не всегда побеждает зло, и Золушка не обязательно находит своего принца. Но ведь и жизнь человеческая – далеко не сказка. И еще... – она сдвинула изящные бровки. – Не знаю... Вряд ли смогу точно выразить свою мысль. В общем, обо всем этом в этих фильмах рассказывается таким языком, в который надо вслушиваться. Очень внимательно! Буквально в каждую фразу, а то и в каждое слово. Не отвлекаться от просмотра, всматриваться во все сцены, улавливать даже самые мелкие детали... Между прочим, писателям это тоже необходимо!

Она сильно воодушевилась от собственной речи, но как-то спонтанно оборвала ее, остановилась, чмокнула его в щеку, взяла под руку и заявила, пресекая все последующие вопросы:

– Не хочу больше ничего объяснять! Тут подсказчики ни к чему. Сам дойти должен.

Варя вовсе не чуралась фильмов, за билетами на которые народ выстраивался в длиннющие очереди, ломился в кассы предварительной продажи. Они вместе смотрели и «Бездну», и «Три дня кондора» и «Спасите «Конкорд» и еще много чего, суперпопулярного. И он отлично видел, что она вовсе не делает этим ему одолжение, а испытывает удовольствие от просмотра. Однако, когда он пригласил ее сходить на «Легенду о динозавре» второй раз, Варя решительно отказалась. Она искренне не понимала, зачем это нужно делать. Так интересно же! Ну и что? Посмотрела один раз и достаточно. Он этого никак не понимал! С Лёхой, к примеру, «Пираты XX века» они смотрели пять раз. Правда, еще в щенячьем возрасте.

Было у девчонки еще одно увлечение. Буквально страсть! Она обожала дискотеки. И не важно, что там несло из динамиков. Варя самозабвенно танцевала под рок-н-ролл, диско, нью-вейф, итальянцев. Подо всё! Ему казалась, что в танце она пытается выплеснуть некую внутреннюю энергию, накапливающуюся в ней и требующую непременно выброса, и эта энергия ей самой подчиняется плохо, она никак не может разгадать ее природу, а скорее и не пытается. Дергаясь с ней рядом, иной раз пугался: она сейчас не здесь, или где-то в одной из введомых мирах, словно шаман, впавший в камлание. На улицу после дискотеки Варя выходила усталая и удовлетворенная, с лучающимися от счастья глазами.

Ему же все эти танцы-шманцы были далеко до фонаря. Чувствовал себя там как вошь на блюде. Шел туда, конечно, не как на экскурсию в лепрозорий, но, если бы завтра все дискотеки закрыли раз и навсегда, ничуть бы не расстроился. Всегда старался увильнуть от данного мероприятия, подыскивая любой незначительный повод. Только Варю отказать не мог. Таскался за ней по домам культуры и прочим танцполам, даже когда температурил или необходимо было пару лишних часов посидеть над учебниками. Танцевал из рук вон плохо и учиться не соби-

рался, считая всю эти движения пустым занятием. Она конечно же знала о его мытарствах, о его острой нелюбви ко всем шумным и многолюдным сборищам (не побоялся высказать свое отношение к дискотекам), но оставалась непреклонной и постоянно звала его с собой. По-настоящему влюбленные понимают друг друга нервными окончаниями или еще чем-то, до сих пор неизвестным науке, и он прекрасно чувствовал, как ей импонирует эта его жертвенность.

В девятом классе, на коротеньких каникулах между третьей и четвертой четвертью, когда зима ещё агонизирует слякотными вылазками, но приближение настоящей весны чувствуется и в удлинившемся дне, и в щебетании птиц, приветствующих грядущую смену года, и в воздухе, пахнущем совсем не так, как недели две назад, Варя затащила его на дискотеку во Дворец культуры ЗиЛ, славящуюся своей прогрессивностью. Здесь имелась отличная аппаратура, не уступающая концертным залам того времени, шикарная цветомузыка, весёлые ведущие, отлично разбирающиеся в музыкальных новинках, а главное – отсутствие запретов на каких-либо исполнителей. Низкий голос Нины Хаген в Советском Союзе, мягко говоря, не одобряемой к прослушиванию, нередко звучал из мощных динамиков. Ходила легенда о некоем представителе райкома ВЛКСМ, курировавшего молодёжное безобразие, заявившимся сюда с инквизиторским видом и решимостью закрыть бедлам раз и навсегда, а через сорок минут выдвигавшим коленца на зависть многим завсегдатаям. Красивый зал с мраморными колоннами и паркетом тёмных тонов, по пятницам принимавший клуб «Для тех, кому за тридцать», в субботу вечером набивался до отказа теми, кому от пятнадцати до двадцати с небольшим плюсом.

В середине всеобщего веселья, когда раздались первые аккорды «Hotel California» к Варя, откуда-то из цветастого полумрака вынырнул коренастый черноволосый парень с рельефной мускулатурой, натягивавшей голубую водолазку на бицепсах и груди, и пригласил на танец, по-доброму улыбнувшись и подмигнув ему, скромно стоявшему рядышком. Она мгновенно согласилась и положила кавалеру руки на плечи. Шустряк уверенно обнял девичью талию, и они медленно поплыли в такт незабвенному хиту Eagles. А он стоял как пригвождённый, пребывая в предынсультном состоянии, и наблюдал как спортивного сложения наглец не только притягивает его ненаглядную к себе поближе, но и что-то нашептывает ей на ушко со слащавой улыбкой на довольной физиономии. Варя даже не смотрела в его сторону, явно получая удовольствие от танца с новым партнером, двигавшимся уверенно и красиво, не норовя оттоптать ей ноги. Когда американские рокеры закончили свою балладу, сияющий от счастья незнакомец вернул Варю на место, картинно поклонился ей, поблагодарив, опять подмигнул ему и удалился.

– Тебе плохо? – донеслось до него сквозь звуки «Абракадабры» Стива Миллера. Варя глядела на него встревоженно и участливо.

Много лет спустя, путешествуя от нечего делать по интернету, он нашел перевод «Абракадабры» и одна строка его поразила: «Мой ангел в дьявольском белье». Точнейшая характеристика Варвары Стержневой!

– Ты-ы... – судорожно сглотнул, но во рту и горле царствовала сушь. – Ты... пошла... с этим... Зачем?

– Так танцевать же! – плечи поднялись и опустились, а глаза блестят, ликуют и смеются. – Нельзя, что ли? Мы за тем сюда и пришли. Кавалеры иногда приглашают дам, и не всегда своих. Что тебя удивляет?

И отстранилась от него, задвигалась в такт музыке, маняще изгибаясь. Он перестал для нее существовать на какое-то время. Варя полностью отдалась звукам, купалась в них, как в ласковых волнах дивного, не существующего на нашей планете моря.

Ближе к ночи, когда они вышли в темноту, на холодный воздух, он еще не успокоился, внутри все кипело и рвалось наружу...

– Я не понимаю... – все-таки нужно было расставить все точки над *i*. – Мы пришли вместе... Ты можешь пойти с любим, кто тебя позовет?

– Дурак! Что за идиотский вопрос?! – она резко остановилась и вперилась в него гневным взглядом – вспыхнула мгновенно, как порох. – Можно подумать, мы с ним целовались! Я могу танцевать, с кем хочу! Запомни это!

– Но он тебе шептал что-то... – он верил в свою правоту, но такого решительного отпора не ожидал, а потому поубавил тон.

– Пригласил на дискотеку в следующую субботу! – Варя градус накала снижать не собиралась и продолжала наступать. – В Олимпийскую деревню, в концертный зал! Я давно слышала, что там классно. Только билеты не достать. Модные новинки крутят, свежесжатые соки попробовать можно. Из самых экзотических фруктов, между прочим. А он спортсмен, боксёр. Недавно первенство Москвы выиграл, вот ему и перепало два пригласительных билета!

– Т-ты... С-согласилась?! – сердце находилось на грани взрыва, дышать стало трудно, почти невозможно.

– А как же! – она определенно издевается над ним. – Ты рад за меня?

Полный нокаут! Он еще стоит или уже лежит на грязном асфальте, жадно хватая онемевшим ртом воздух? Нет, все-таки удержался на ногах, хотя и не чувствует их, а перед глазами колышется сизый туман. Перед ним инопланетянка, перевоплотившаяся в Варю и пытающаяся втолковать ему свою, внеземную, мораль!

– Ревнуешь? – мимолетно улыбнулась и тут же надула губки. – Глупо и гадко! Чего тогда стоят твои признания в любви?! Любовь предполагает доверие друг к другу. Полное и безоговорочное! По-другому нельзя. В настоящей любви нет места ревности. Ты не согласен?

Черт подери... В ее глазах блестели слезы! Варя реально считала его сейчас своим обидчиком. Он угрюмо молчал, поняв какого ответа она ожидает. Но он не мог его произнести. Не мог! Да и чувства захлестнули, одарив ненадолго немотой. Не сможет он ее ни с кем делить. Никогда! Даже в такой пустяковине, как медленный танец. Поход же на дискотеку с другим и вовсе преступление, по его разумению. И она это знает! Вот сейчас он это увидел. По глазам, по мимике ее увидел. Знает, но поступит все равно по-своему. Отчетливо понял и другое: для нее нетерпимо любое, пусть самое незначительное, покушение на собственную свободу, нетерпим и намек на недоверие.

Смотрела на него изучающе и долго, целую вечность, как на подопытную мышь, которая должна была выжить после введенного препарата, но почему-то издохла. А потом, отвернувшись, Варя произнесла с хладнокровием палача:

– Не переживай. Как только меня заинтересует другой, я незамедлительно тебя оповещу.

Свое первое признание в любви он помнил до мельчайших подробностей. Провожал её вечером до квартиры и пока скрипучий лифт покорял семиэтажную высоту, поцеловал Варю в щечку. На улице хулиганничал двадцатиградусными морозами январь, она была в ярко-синем пуховике и белой гагачьей шапке, оставлявшей открытой лишь лицо. Щёки покраснелись и манили к себе, как наливное яблочко. Лишь на долю секунды прильнул сухими губами к сладкой-сладкой коже, но тут же отпрянул. Короткий электрический разряд резко кольнул, заставив на мгновение остолбенеть.

– Понял? – она залилась колокольчиковым смехом и озорно подмигнула. – Не влезай – убьет!

– Я люблю тебя... – невнятно шевельнул губами, опустив глаза. Она услышала.

– Правда? – мгновенно стала серьезной. – И хорошо подумал?

– Разве об этом нужно думать?!

– Разумеется. Повтори.

– Я люблю тебя! – заявил громко, смотря прямо ей в лицо лицо, засветившееся победным удовлетворением. – А... А ты?..

Ничего не сказав, она приподнялась на мысках, и их губы слились. Лифт дернулся, тяжело вздохнул и двери поползли в стороны, а они продолжали стоять, наслаждаясь первой, целомудренной еще, близостью.

Варя давно прошла в квартиру, а он никак не мог сдвинуться с места, почти не дышал, стараясь как можно дольше сохранить сладость нежного соприкосновения.

На дискотеку в Олимпийскую деревню Варя, конечно же, пошла. Тот день, вечер и наступившую за ним ночь он провел ужасно. Его словно и не было на этом свете. Будто он умер, похоронен и нет никаких шансов на воскрешение. Заснул только под утро. Снились похабные картинки, где его единственная и неповторимая девушка сладострастно совокуплялась сразу с несколькими мужиками. Он и сосчитать их не мог! Одним из них был – кто бы сомневался? – этот чертов боксер. Пытался докричаться до любимой, истошно голосил, лил слезы – все тщетно. Она наслаждалась действием, не обращая на несчастного влюбленного никакого внимания. Присутствуя рядом, все слыша и видя, он не мог и шагу сделать в сторону ритмично движущейся массы бесстыдной наготы. Наконец, оторвавшись от нежного тела Вари, боксер подошел к нему с причиндалами на перевес, и после недовольно произнесенной фразы «Достал уже, козел!» со всей дури двинул в челюсть.

Тихо ойкнув, он проснулся. Сердце зашло в горячке, лицо уткнулось во влажную подушку, от корней волос до пят он покрылся противным липким потом. Стало невозможно стыдно за то, что представил Варю в столь мерзкой сцене. Как он мог, какое имел право?! Пусть произвольно, пусть во сне. Всё равно он подлец и ничтожество!

На следующий день они встретились и на вопрос «как прошел вчерашний вечер», она небрежно бросила:

– Хорошо. Там действительно отличный зал и отличная музыка. Больше туда не пойду. Один раз посмотрела и хватит.

– А-а... – заблеял он, возликовав от таких слов.

– Он проводил меня и всё, – как часто она предугадывала его вопросы! – Телефонами не обменивались. Разошлись как в море корабли.

Больше о том боксере он никогда и ничего не слышал.

...Когда он сообщил Валентине Михайловне о своем решении поступать в литературный институт, в ее покрасневших, то ли от повышенного давления, то ли от хронического недосыпа, глазах появилась тихая радость. Тонко улынувшись, она похвалила своего бывшего ученика:

– Вот и правильно. Одобряю твой выбор. Творческим задаткам нельзя пропадать втуне.

Они случайно встретились на школьном дворе, в сумерках приближающегося вечера, на излёте февраля. Бесформенное пальто бутылочного цвета с сильно вытертым воротником изнутри старило любимую учительницу сразу на десяток лет, как и малиновая вязанная шапочка, натянутая аж до бровей; в руках две матерчатые сумки, с какими бабульки обычно таскаются по магазинам; одна с тетрадками, другая с продуктами. Валентина Михайловна сильно сдала за последние три года, сдулась как жизнерадостный воздушный шарик, начавший терять своё наполнение – потихоньку, но все-таки заметно; вот уже гладкая поверхность чуть скукожилась, побежали по ней морщины и хочется, да неможется в небо, земля притягивает и больше не отпустит ввысь. Педагоги редко распространяются о своих горестях ученикам, однако слухи непобедимы и всепроникающи. Вся школа знала о её сыне, страдающем врожденным пороком сердца, требующем постоянного ухода и тонны лекарств. А два года назад жестокий паралич навсегда приковал к кровати мужа. Приходилось надрываться: брать дополнительные занятия, репетиторство, классное руководство. Ей шли на встречу, понимая нужду в деньгах.

– А ты знаешь, – продолжила Валентина Михайловна, – при поступлении туда нужно предоставить текст. Рассказ или небольшую повесть. Только прошедших творческий конкурс допускают к остальным экзаменам. У тебя есть что-нибудь готовое?

Такие подробности оказались для него неожиданностью, но в уныние не ввергли. Ерунда какая! До поступления еще больше года. Сварганит что-нибудь. Да такое, что приемная комиссия зарукоплещет от восторга.

– Напишу, Валентина Михайловна! – ответил задорно. – Времени-то ещё навалом!

– Фантастику там не приветствуют, насколько я знаю, – взяв обе сумки в левую руку, правой она поправила очки.

– А я другого не пишу... – такое уточнение заставило слегка сникнуть.

– Так попробуй! Можно из собственной жизни. Помнишь, как вас, дураleeв, в милицию забрали, когда вы какие-то там патроны на трамвайные рельсы подкладывали?

– А как же! – в нем проснулась неуместная гордость.

– Вот! Развей эту тему, преподнеси как следует и дерзай! Можно от первого лица написать. Досочинить какие-нибудь детали, чтобы интересней было. Только без инопланетян и прочих небылиц! Также ненужно представлять себя и друзей героями. А вот раскаться хулиганам в финале рассказа было бы просто замечательно. Понял?

– Понял... – никакого раскаяния он, честно говоря, не испытывал. Нормальное приключение для пацанов!

– И ещё... – она замолчала, посмотрела на него вопросительно «а стоит ли?», решила, что стоит и сказала, понизив голос: – Вы, мальчишки, сейчас в таком возрасте, когда страсть как тянет на фильмы «детям до шестнадцати...». Догадываешься, о чем я? – снова поправила очки.

– Да, – краснеть сейчас уж никак не в кассу, но ничего поделать с собой не мог. Не выдержав прямого взгляда учительницы, опустил глаза и носком ботинка начал тереть снег, словно окурочив вдавливал. Вспомнил, как пялившись на сдобную грудь Валентины Михайловны, бесстыже раздел ее в своем воображении.

– Всегда понятливый был... Так вот. Эту тему вообще никак не поднимай в творческом конкурсе. В том числе и между строк. Табу! Уяснил?

– Ага! – как-то сразу отпустило и смущение исчезло.

– Не затягивай. Как напишешь, покажи мне или Маргарите Брониславовне, если мне не доверяешь. Оценю, как строгий критик. Подсказок не жди – сам выплывай.

– Как же я вам могу не доверять, Валентина Михайловна! Только вам и покажу.

Валентина Михайловна преподавала литературу до восьмого класса. В девятом и десятом любовь к классикам им уже пыталась вдолбить Маргарита Брониславовна. Лёха особо на ее прозвище не заморачивался, тут же окрестив Маргоша. Новая училка находилась на излете балзаковского возраста и внешностью обладала привлекательной и несколько нездешней, будто пришедшей из эпохи, когда женщин именовали «дамами» – высокая, фигуристая, с благородными чертами лица; крашенные в каштановый цвет волосы убраны в большой пучок. Минимум неброской косметики. Всегда строгие, прекрасно на ней сидевшие одеяния, преимущественно темных тонов. Ухоженные руки, идеальный маникюр, на правой руке обручальное кольцо, на левый крупный опал в массивной витиеватой оправе. Замужем, воспитывает дочь. Именно так, сухо и кратко, без каких-либо подробностей. Когда в изучаемых школярами произведениях возникала тема любви главных героев – куда же без неё? – Маргоша, всегда звонко, четко, артистически рассказывавшая материал, вдруг начинала говорить значительно тише, едва шевеля губами, старалась не смотреть на учеников и каменела лицом. Однажды, превратившись в соляной столб, она посвящала класс в жизненные перипетии Катюши Масловой. Неожиданно подал голос Пашка Зубков, мало чем интересовавшийся, кроме науки, воспетой Менделеевым и гимнастики. Самые сложные контрольные по химии он решал минут за двадцать, после чего учитель выдворял вундеркинда из класса, дабы остальным не подсказывал. А

на уроках физкультуры худосочный Пашка повисал на турнике, закидывал обе ноги за голову и в таком положении подтягивался пятнадцать раз. Человек-змея, одним словом. И вот он вдруг среди всеобщей тишины вскинул руку, и, получив разрешение, задал вопрос:

– А что такое дом терпимости, Маргарита Брониславовна? Они еще остались? Ну, может быть, хоть в виде музея?

Примерно пять секунд в классе слышалось только пощелкивание люминесцентных ламп на потолке. А потом от дружного хохота задрожали стекла. Учительница сидела на своем месте с обескровленным лицом и сверкала глазами в надежде испепелить Зубкова дотла. Но тот поблёскивал толстыми линзами очков, недоуменно озираясь на никак не унимавшихся одноклассников.

– А ты у девочек спроси! – прорвался Лёха сквозь собственный смех. – Они объяснят. Их тема, как ни крути.

Когда класс оторжал и унялся, Маргоша продолжила урок, проигнорировав скользкий вопрос.

Учительского ответа Пашка так и не дождался. На перемене парни устранили пробел в его образовании. С тех пор Человек-змея на уроках литературы не задал ни единого вопроса.

Лёха как-то предположил, что в семье Маргариты Брониславовны на разговоры о неплатонических отношениях между мужчиной и женщиной наложен строжайший запрет, а слово «секс» приравнено к нецензурной брани.

– Интересно, – рассуждал Ляхов, – Какие чувства она испытывает при слове «секстант» и сможет ли произнести его вслух?

Современных писателей Маргоша воспринимала постольку-поскольку и не считала нужным уделять много внимания разбору их творчества. Все великое, мол, и вообще достойное внимания уже давно написано и в ближайшие лет двести прорыва в литературе не предвидится. В скудное время мы живем. Перевелись на земле русской Гоголи, Чеховы да Достоевские. Она и программные сочинения-то своих учеников оценивала по пониманию темы и количеству ошибок. Художественное достоинство текста ее совершенно не интересовало – нет и не может там быть его, как такового.

Разве мог он такому зоилу отдать на рецензию будущую конкурсную работу? Да только сообщи он ей о своем желании стать писателем, она состроит брезгливую мину и прочтет долгий монолог о глупости и бесперспективности решения пылкого юноши.

Но Валентине Михайловне не довелось прочитать его творение. С серьезной решимостью он неоднократно принимался за дело, но после написания нескольких, поначалу казавшихся блестящими, страниц неизменно включался стопор и строки не желали рождаться. Зато, неведомая ранее, включалась самокритика. То переставал нравиться замысел, то стиль написания, то сюжет заходил в тупик и никак не хотел выбираться оттуда, то отрывали неотложные дела – любовь, дружба; юная кровь бурлит, никуда не денешься, а к самопожертвованию ради творчества он не был готов.

Потом ушел отец... Жестокий враг отыгрался на хорошем враче за все свои предыдущие поражения. Сырцов-старший боролся до последнего, не давая никому усомниться в грядущей победе. Ни ныл, ни скисал, не впадал в депрессию. После химии облысел, высох, потерял половину зубов, но и виду не подавал, насколько ему тяжело. Только его близкий друг, тоже врач, знал о безысходности ситуации, но делал вид, что все идет правильно и хорошо. Потому и смерть вошла в дом неожиданно и тихо, в глухой ночи, остановив сердце больного во время сна. Кончина столь близкого человека надолго выбила из колеи, лишила творческого порыва. Вспомнил о предстоящем поступлении только после вопроса матери, прозвучавшего неожиданно, как ведро воды на голову среди жаркого ясного дня.

В тот апрельский вечер он вернулся с очередного свидания, уселся на кухне и с жадностью стал уписывать макароны с котлетами. Мама, моя сковородку, тихо спросила:

– Ты к экзаменам-то думаешь готовиться?

– Уже готовлюсь! – бодро соврал, усиленно работая челюстями.

– Нужно налечь на химию и биологию.

– Чего это вдруг? – замер с куском котлеты во рту. – Я их терпеть не могу! Сдам на «четыре» и то хлеб...

И тут же вспомнил, как год назад у него с отцом состоялся разговор о выборе профессии. Он уже знал, что хочет стать писателем и никем больше, но сказать об этом прямо не решился. И не из-за того, что предок начнёт топтать ногами и всячески выражать своё недовольство (отец вообще не навязывал сыну своё мнение), а просто постеснялся, стусивался. Отшутился тогда, будто еще не определился, куда именно отправиться за дипломом. Время еще есть, подумаю! Отец отреагировал спокойно и обещал помочь, если тот выберет врачебное поприще.

– Они необходимы при поступлении в медицинский институт, – пояснила мать, будто и не рассматривала других вариантов. – Ты должен продолжить дело отца.

Вот еще! С какого это перепугу?! Ни разу не собирался! Мать стояла к нему спиной, моя посуда, и не могла видеть, как он скорчил недовольную рожу и покрутил пальцем у виска.

– Александр Харенович обещал помочь, – продолжила она талдычить свое. – Но ты и сам должен приложить максимум усилий.

Профессор Арутюнян был тем самым другом, который всё знал о течении болезни отца. Он часто появлялся в их доме, без него не обходилось ни одно семейное торжество. Крупный, с черными клочками волос вокруг обширной лысины и выдающимся орлиным носом, знающий множество анекдотов, в том числе и на скользкие темы, рассказывавший их виртуозно, он вызывал симпатию, но воспользоваться его протекцией для поступления в медицинский институт... В бреду не возникнет такого желания! Медицина и он – совершенно несочетаемые понятия. Далекие друг от друга как лопата и космическая станция.

– Мам, – наконец удалось проглотить недожёванную котлету, – я собираюсь в другой институт.

Сперва она никак не отреагировала на его слова, продолжая заниматься своим делом. Потом замерла вдруг, резко обернулась и севшим голосом произнесла:

– Я не поняла... В другой институт?!

Вытерла руки о цветастый фартук и села за стол напротив него. Её строгая красота ничуть не поблекла к сорока с небольшим годам, только горе присыпало сединой волосы, да добавило морщинок вокруг глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.